

Пули над сельвой

Автор:

Виктор Степанычев

Пули над сельвой

Виктор Степанычев

Викинг #4

Не знали террористы, когда захватывали «Боинг», летящий в Парагвай, что на его борту находится полковник Вадим Веклемишев, а если проще – Викинг. Впрочем, с одной стороны, им повезло – Викинг сумел посадить лайнер на заброшенный аэродром в Бразилии, ибо экипаж террористы вырубил, а их пилот погиб. С другой стороны, Вадим ускользнул от них вместе с Софией – дочерью парагвайского магната, которую террористы взяли в заложницы. Погоня по сельве, схватки с преследователями, умение находить выход из безнадежных ситуаций еще раз доказали, что Викинг – профи высшей пробы и победить его – сверхсложная задача. Но Вадима ждет удар, который он не знает, как отразить. Дело в том, что здесь, в сердце Южной Америки, он находит... отца и сестру. Такое способно вышибить из седла даже Викинга...

Виктор Степанычев

Пули над сельвой

Часть первая. С НЕБЕС НА ЗЕМЛЮ

Как учил меня в свое время наш преподаватель

социологии, в каждой ситуации обычно есть
одна фигура, чье влияние ни в коем случае
нельзя недооценивать.

Кен Кизи «Пролетая над гнездом кукушки»

«Как он красив, – думал Данилов, – и как ужасен.

Он нисколько не похож на меня...

Он из трагедии... А я откуда?...

Но глаза, какие глаза... Он понял, кто перед ним,

я чувствую это, и он вобрал меня в себя...

В одно мгновение...

Однако потом он так странно смотрел...»

В.Орлов «Альтист Данилов»

Глава 1. Не было печали

Аэровокзал Хитроу мало изменился за последние годы. Только очереди к стойкам регистрации стали подлиннее и суеты стало побольше. И происходило это явно не от чрезмерной народной любви к полетам: слишком много времени отнимал углубленный досмотр пассажиров и багажа – эхо террористических

актов.

Последний раз Веклемишев летел через лондонский аэропорт транзитным рейсом в Катар. Правда, было это шесть лет назад, и Вадим тогда выступал в роли иорданского бизнесмена, эмиссара известного на Ближнем Востоке торговца оружием Котильянца. В то время он не мог и предполагать, что в не столь отдаленном будущем будет совершенно спокойно, не опасаясь слежки или возможных неприятностей со стороны спецслужб, бродить по аэровокзалу Хитроу в ожидании своего рейса. И при этом иметь в кармане не искусно выполненную «ксиву» какой-то бананово-островной республики, а прямо пахнувший свежей штемпельной краской зеленый российский служебный паспорт на его собственное имя. И как приложение к легальному документу – вполне добропорядочные намерения чиновника, следующего к новому месту работы.

Изменения в службе произошли настолько быстро, что Вадим до сих пор не мог опомниться. Он чувствовал себя несколько тоскливо и еще более – неуютно от ожидавших его перспектив. Всего две недели назад он, полковник Веклемишев, заместитель начальника Отдела по боевой подготовке, ни сном ни духом не ведал о крутом повороте, который преподнесет ему судьба.

Подразделение по борьбе с терроризмом при Службе внешней разведки, в котором служил Вадим, на языке сведущих – просто Отдел, занималось повседневной деятельностью согласно утвержденным графикам боевой подготовки, а также планам специальных мероприятий. В переводе на более понятный язык это означало, что часть «отдельцев» работала по прямому назначению на территории Российской Федерации, а также за ее пределами, а остальные совершенствовали боевое мастерство на зимних квартирах и «в поле», то есть на соответствующих полигонах с определенными климатическими и географическими условиями выполнения будущих задач опять же в России и за ее надежными рубежами. За это самое совершенствование как раз и отвечал Веклемишев.

Пробившись через утренние пробки на московских улицах и раннюю осеннюю слякоть, Вадим выбрался за пределы МКАД на трассу и через сорок минут проследовал через КПП со скромной табличкой «В/ч 2273» на территорию строго охраняемой закрытой части. Эта самая в/ч выполняла роль прикрытия и охраны Отдела, который скрывался внутри ее за вторым ограждением.

На проходной Веклемишеву передали, чтобы он по прибытии немедленно явился в кабинет начальника Отдела. Подобные распоряжения, как правило, не сулили ничего хорошего подчиненным. Особенно в понедельник с утра.

Хотя Сергей Салтыков – помимо того что был непосредственным начальником Веклемишева – являлся его лучшим другом, и последний раз виделись они не позднее чем в субботу на даче Мао, Вадим несколько напрягся, раздумывая, чем вызвана такая спешка. Псевдоним Мао прилепился к Салтыкову еще с времен, когда он работал инструктором курса выживания. Разработанные Сергеем основы этого предмета вошли в краткое пособие с грифом «строго для внутреннего пользования», на которое обучаемые немедленно навесили ярлык цитатника. Ну а параллель с бывшим председателем КНР напросилась сама собой. Правда, и без учебника Сергей-Мао частенько изрекал фразы, не вошедшие в учебное пособие, но имевшие популярность среди «отдельцев».

«Ваш отдых – это тоже оружие», «Противник – такой же, как и ты... враг», «Тупость – совсем не недостаток ума, а такой ум» – эти изречения передавались из уст в уста. Но совсем не они привели Салтыкова в кресло начальника Отдела, которое тот сейчас занимал. Опыт оперативника уровня профессионала-«рэкса» – разведчика экстра-класса – и наработанное годами и операциями стратегическое мышление по праву привели его на эту должность. А что до цитат Сергея из пресловутого пособия по выживанию, можно было честно признаться, что они не одному «отдельцу» спасли жизнь. В том числе и Вадиму.

Сергей-Мао был учителем и наставником Веклемишева, когда он пришел в Отдел. А потом не раз выступал надежным партнером Викинга в акциях, в которых они вместе участвовали. Кстати, и эту кличку Вадим заработал вместе с Салтыковым на операции в золотом кокаиновом треугольнике латиносов. Так и шли они вместе по службе и должностям. Мао на шаг впереди, Викинг – следом за ним.

До планового совещания оставалось не более получаса. Срочный вызов к начальнику наводил на мысль, что шеф непланово чем-то озабочен. А из этого можно было сделать вывод, что надо ожидать неприятностей. Вадим постарался припомнить, какие оплошности по службе он мог допустить в последнее время, и таковых не нашел. Нет, конечно, кое-какие огрехи были. С группой Ильина не полностью отработали пустынную программу, и их операцию пока заморозили. И с Мао на словах этот вопрос в общем-то обговорили. Парни Тамбовцева сейчас со всем прилежанием в Приэльбрусье занимаются альпинистской подготовкой.

Вадим лично на прошлой неделе летал к ним на контроль. Планы занятий с группами Савенко и Корфа разработаны и находятся на согласовании в оперативном отделении у Славы Терехина. Сроки их готовности пока что не поджимают.

Пролистав в голове собственный план работы, явных проколов Вадим за собой не обнаружил. То есть таких, чтобы в холодном поту лететь на ковер к начальнику и быть наказанным им со всей пролетарской непримиримостью за неосознание текущего момента.

Войдя в кабинет, Вадим, для пущего официоза, проверяя начальственную реакцию, громко, по-уставному доложил:

- Товарищ полковник, полковник Веклемишев по вашему приказанию прибыл.

- Да перестань ты, садись, - досадливо дернул щекой Сергей и махнул рукой в сторону дивана. - Наливай кофе, чайник только что вскипел.

От подобного приема Вадим еще более насторожился. Он хорошо знал Салтыкова. Ни в гневе, ни в радости тот не выказывал эмоций и практически всегда был спокоен и деловит, даже сух. Мелькнувшая по его лицу почти неуловимая тень недовольства говорила, что Сергей не в себе.

В обучении «отдельцев» в курсе психологии был так называемый «поведенческий» раздел. В нем изучались внешние проявления поведения людей в различных ситуациях. Знающий легко мог распознать по мимике, жестам, отдельным словам не только настроение человека, но и определить характер общения с ним, построение будущего разговора. Посадка на диван, а не к приставному столу, предложение кофе, который сам Сергей не любил, а только угощал им гостей, как правило, вышестоящих, мимика с плохо скрытым проявлением досады, а еще и глаза, старательно отведенные в сторону, на бумаги, лежащие на столе, выдавали, что разговор обещает быть серьезным и малоприятным. И что Салтыков, может, не столько расстроен, сколько выбит из колеи и даже смущен.

Вадиму, в секунды просчитавшему ситуацию, нетрудно было догадаться, что Мао имеет честь сообщить Викингу некую гадость, касающуюся его лично. Так как в дебошах и разврате он замечен не был и Надежда в женсовет на него

кляузы не писала, а водку пил весьма умеренно и, кстати, последний раз совместно с Сергеем, речь могла идти только о службе. И это было очень интересно, так как Веклемишев уже просчитал, что отдельные недочеты у него имеются, однако на хорошую взбучку они не тянут.

Вадим решил не торопить события и выдержать паузу. Вернее – поддержать ту, что выдерживает Салтыков. Чтобы Сергей собрался с мыслями и наконец выдал на-гора то, что хотел выдать. Положив в чашку ложку кофе и столько же сахара, Вадим залил их кипятком и, не торопясь, стал размешивать. Отхлебнув глоток, он поднял глаза на Сергея.

– Ну и что вы имеете мне сообщить? – решив, что пауза по времени состоялась, спросил Вадим. – Я не ошибаюсь, что услышу нечто неприятное в свой адрес?

– Ну это с какой точки зрения посмотреть, – пожал плечами Салтыков, не поднимая глаз от стола. – Дело-то оно такое...

– Вот как? – заинтересованно спросил Вадим. – Очень даже интересно, какое «такое»?

– Ну ты, конечно, в курсе, что в прошлом году состоялась юбилейная сессия Организации Объединенных Наций, – наконец поднял на Викинга глаза Сергей.

– Естественно, помню, – кивнул Вадим. – Они там резолюцию по терроризму приняли. Долго мусолили, а потом выдали что-то донельзя аморфное... Нам еще долго после этого полоскали мозги, что следует «повысить усилия и усилить старания» в борьбе с гидрой международного террора.

– Вот и я как раз об этом, – согласился Сергей. – На основании той резолюции после консультаций на высшем уровне принято решение создать региональные координационные центры по борьбе с терроризмом. Чтобы объединить силы, создать мощный информационный блок...

– И поставить очередную галочку в отчетах, – закончил за Салтыкова Вадим и отхлебнул кофе. – Решили родить еще одну синектуру при ООН. Посадят бездельников протирать штаны при очень приличной зарплате и никакой работе. Отчаянная борьба с террористами с помощью компьютеров, факсов и ксероксов. Строчит факсометчик за баксов кусочек!

– Ты, мне кажется, не прав, – возразил Сергей. – Дело серьезное, я считаю, нужное...

Веклемишеву в голосе Мао послышалась явная нарочитость. Он еще толком не понимал, о чем идет речь, однако некоторые подозрения уже закрались в его душу. Вадим отставил чашку и воззрился на Салтыкова.

– Что ты там сказал про нужное дело? – зловеще спросил он. – Если можно, поконкретнее.

Однако конкретности от Мао Вадим немедленно добиться не сумел, потому что дверь в кабинет резко распахнулась, и на пороге появился Олег Петрович, которого многие поколения «отдельцев» называли не иначе как «Дед». Он был создателем Отдела и многие годы его руководителем. Службу Дед начинал еще при Судоплатове. И та ранняя школа была всем школам школа. Таких «волкодавов» и «сорохватов» не имела ни одна контрразведка мира. Но главной своей заслугой генерал Волович считал не то, что он создал по-настоящему уникальное боевое подразделение, а то, что смог сохранить Отдел в годы бардака и развала девяностых.

Для Деда не было авторитетов. Он уважал в людях лишь одно качество: профессионализм. И никогда не сдавал своих. Несмотря на взрывной характер Олега Петровича, его ценили в Службе и держали на должности, насколько это было возможно, правдами и неправдами продляя контракт. Однако когда календарная выслуга генерал-майора перевалила за пятьдесят лет, начальники развели руками и отправили ветерана на заслуженную пенсию. Вот только заслуженно отдохнуть Дед не привык, да и терять его опыт и знания резона не было. Присвоили ему по увольнению из «рядов» звание генерал-лейтенанта и пробили с великим трудом место в Главной инспекции, куда не каждого генерала армии допускали. А уже после такой рокировки назначили советником при начальнике Отдела.

– Это что за хрень?! – негромко, но свирепо спросил Олег Петрович, застыв на пороге кабинета. – Боевого офицера – в штафирки!

Вадим, еще сам толком не разобравшись в ситуации, промолчал. Он только вскочил с дивана и застыл по стойке «смирно», чувствуя, как мурашки пробежали по спине. Дало о себе знать ощущение летехи, который явился пред

грозные очи Деда много лет назад. А Олег Петрович, похоже, был рассержен не на шутку. И его бывшие подчиненные знали, что в таком состоянии он пленных не берет.

Салтыков также поднялся из кресла. Правда, во фронт Мао не вытянулся, но очи виновато к столу опустил.

- Сдали парня с потрохами! - констатировал Дед, сверля глазами Мао. - И тридцати сребреников не попросили. Сопли распустили!

- Олег Петрович! - поморщился Салтыков. - Ну зачем вы так?

- Что, Олег Петрович?! - еще больше разъярился Дед. - У тебя много таких специалистов? Он, считай, лучший из вас, балбесов! Таких, как Веклемишев, по пальцам на одной руке пересчитать можно. И не в вашей богадельне, а на шарике, который земным кличут.

- В нашей... - негромко сказал Мао.

- Что «в нашей»? - не понял его Дед.

- В нашей богадельне, - скромно уточнил Салтыков.

- Нет, в вашей! - рявкнул Дед. - Когда я был...

Олег Петрович недоговорил и перевел взгляд на Вадима.

- А ты небось, бездельник, рад на курорты от работы улизнуть? Брюхо погреть в риодежанейрах... По глазам вижу, что рад, - злорадно усмехнулся Олег Петрович и кивнул в сторону Мао. - Сговорились с дружкой. Местечко насидишь и его к себе перетянешь под пальмы. Сладкая парочка!

- Я сделал все, что смог, - твердо сказал Салтыков. - Но мои доводы в расчет не взяли. Сказали, что решение принято на самом высоком уровне. Да и вы сами, Олег Петрович, ничего же не смогли изменить. Я в курсе...

Дед после этих слов как-то сразу сник. Он вяло пожал плечами и, отвернувшись, откашлялся в кулак. Вадим ослабил левую ногу и принял стойку «вольно». Гроза прошла. Но настроение от этого не улучшилось. Его догадки стали обретать явь.

– Что, доложила разведка? – укоризненно спросил Дед, усевшись на стул у окна как раз напротив Вадима. – Бился я за Вадика, да без толку. Наводка на него пришла, потому и решение приняли. Говорят, чуть ли не от Генсека ООН запрос прислали. Видимо, срисовали его в Сьерра-Марино и взяли на карандаш.

– А уж какие я убойные доводы приводил, – сокрушенно покачал головой Салтыков, поддерживая Деда. – Рубаху рвал и в падучей бился. Да все понапрасну. Сказали «люминево», и точка.

– А я! Тоже, – повысил было голос Олег Петрович, но тут же снизил тон и безнадежно колыхнул рукой, – пытался...

Что такое «тоже», Вадим примерно мог представить и совсем не завидовал тем, кто пережил цунами в образе разгневанного Деда. Он усмехнулся про себя, но легкомысленный настрой спал так же быстро, как и пришел. И что-то очень поганенькое зашевелилось внутри от предчувствий. Не надо было иметь семи пядей во лбу, чтобы понять, что речь идет о нем, и даже догадаться, о чем именно.

– Может, мне кто объяснит, что к чему? – прервал Вадим очередную паузу, которую взяли Мао и Олег Петрович. – Любопытно, понимаешь... А то складывается впечатление, что меня без меня женят.

Дед задумчиво воззрился на Веклемишева. Потом перевел взгляд на Мао.

– А ты что, еще не сказал ему? – удивленно поднял брови Олег Петрович.

– Начал было, да тут вы пришли, – сообщил Сергей.

Оба начальника, бывший и настоящий, тоскливо уставились на Веклемишева.

– В общем, забирают тебя, Викинг, из Отдела, – со вздохом сообщил ему Салтыков. – Переводят на другую работу. В один из координационных центров

по борьбе с терроризмом, который создают согласно резолюции ООН.

– Штаны протирать и по бен Ладену из ксерокса строчить, – припомнил свои слова Вадим. – Славненько! И моего согласия никто не спросил. А главное, все обо всем в курсе, один я, как рогатый муж, последним узнаю.

– Меня вчера, в воскресенье, после обеда выдернули в Службу к первому заместителю и с ходу обухом по голове, – уныло сообщил Сергей. – Я бился, как мог, но там, – он ткнул пальцем в потолок, – решение уже приняли. Олега Петровича сразу подключил, но и он, как видишь... А тебя просто не стали в выходной зря тревожить, нервы мотать.

– Аргументами забили, змеи подкожные, – сокрушенно сказал Дед. – Что ты, мол, уже и из возраста вышел, чтобы с автоматом по джунглям бегать. И под прикрытием тебе уже не работать, так как засветился ты капитально за бугром. Да еще и эта эпопея с амнезией и суперчемпионством в боях без правил...

– И здоровье сильно откачнулось после травмы головы, – догадался Вадим. – Об этом тоже, можно не сомневаться, помянули. Придурка в боевом подразделении опасно держать – вдруг кого укусит.

– Хватит дурь пороть, укусит он... – слабо запротестовал Дед, из чего следовало, что об этом тоже был разговор. Не о том, что укусит, естественно, а о здоровье.

– А я напирал на то, что твой опыт нужен молодым, – сказал Мао и покачал головой. – Полная безнадега! И слушать не захотели. Единственное, что пообещали, что эта командировка не дольше чем на год. Ну, может, на полтора... или два. А потом назад в Отдел вернешься. Если захочешь... И насчет согласия: тебя в двенадцать часов сегодня ждут на беседу в Службе.

– А может, мне сразу рапорт на увольнение написать? – мечтательно спросил Вадим. – И никаких проблем. Выслуги у меня с «боевыми» и «дикими» выше крыши. Пенсия выйдет неплохая. А там в охрану куда-нибудь пристроюсь – сутки через двое. Или швейцаром в «Метрополь». А еще домик куплю в деревне... Красота!

– Точно, у парня с головой непорядки, – убежденно сказал Олег Петрович. – То, что тебе, Вадим, предлагают, может, и не повышение по службе, хотя и это

спорно, а переход в другое качество. Неужели не хочется нового попробовать?

– В Отделе ты на месте, и нам не хотелось бы тебя терять как специалиста, как товарища в конце концов... – начал было Мао, но Вадим его перебил.

– Меня уже теряют? – с сарказмом хохотнул он. – Спасибо за доброе слово! Кто же еще так порадует, как не лучший друг.

– Не цепляйся к словам, – помрачнел Сергей. – Подумай хорошенько. Не век же тебе, Викинг, киснуть моим замом по боевой подготовке. Я считаю, ты большего заслуживаешь. Так что поразмысли, с Надеждой посоветуйся...

– Отказаться всегда успеешь, как и дверью хлопнуть, – поддержал Салтыкова Олег Петрович. – Лично я думаю, надо тебе соглашаться. Там и перспективы неплохие, да и зарплата достойная. А если еще и работа интересной окажется?!

Глава 2. Пора в путь-дорогу, дорогу дальнюю...

Возвращение в Москву показалось Вадиму нестерпимо долгим. Он вел машину едва не на автопилоте, машинально реагируя на дорожные знаки и сигналы светофора. Благо маршрут был хорошо знакомый и водительские навыки позволяли ему отвлечься от дороги и обдумать то, что он услышал от Сергея и Олега Петровича.

Мысли, особенно поначалу, были тяжелые. Вадим не представлял себя вне Отдела, который долгие годы был не только работой, но и домом, и семьей. Правда, сейчас он ехал туда, где у него были настоящие дом и семья. Веклемишев не знал, как отреагирует на новость Надежда. Она уже почти два года после рождения сына не работала. Вместе они решили, что, пока Василию не исполнится пяти лет, Надя будет заниматься только сынишкой. И от того, что ему скажет жена, во многом зависел исход предстоящей беседы в Службе.

Слова об увольнении, брошенные сгоряча Мао и Деду, не были пустым звуком. Вадим ощущал себя едва ли не униженным категоричностью высшего начальства. Этот непонятный запрос из ООН был принят руководством как

приказ к исполнению. И никакие доводы Салтыкова и Олега Петровича не повлияли на решение. Как-то легко с ним расстаются. А из этого можно было сделать вывод, что его не ценят и те годы, что он отдал Отделу, ничего не значат. Опыт и знания Викинга не нужны, и с работой, которую он сейчас делает, может справиться любой... В общем, обида захлестывала с головой.

Правда, когда Вадим въехал в пределы Москвы, настроение стало потихоньку выправляться. Он более трезво оценил доводы высшего начальства, которыми они забили Сергея и Олега Петровича.

Действительно, на том, чем он занимался в Отделе все эти годы, можно поставить крест. Под прикрытием Викинг работать уже не сможет. Если на него конкретно пришел запрос из ООН, значит, личность В. А. Веклемишева идентифицирована и, без сомнения, занесена не в одну картотеку спецслужб мира. Прав Дед: он капитально засветился в Сьерра-Марино и на боях без правил.

И слова начальства, что Викинг из возраста вышел, чтобы с автоматом бегать, хотя и больно ударили по самолюбию, являлись правдой. Уже за сорок перевалило. Хотя Вадим и чувствовал в себе силы и по пустыне пробежаться, и по отвесной скальной стене подняться с полным боекомплект, меру следовало знать. Да и молодежь уже подпирала, дорогу просила.

Кстати, здоровье, как ни строй из себя оптимиста, оставляло желать лучшего. Хотя и прошел Вадим серьезные курсы лечения и реабилитации, остаточные явления травмы головы давали о себе знать. Совсем редко, но все же посещала его нестерпимая боль в затылке, едва не до потери сознания.

И, наконец, пришло время признаться в том, что Вадим скрывал от других, а главное – от себя. Сегодняшняя работа в Отделе его не то чтобы не устраивала – не грела. Монотонная рутина боевой подготовки, разработка планов занятий и графиков тренировок, контроль за их выполнением наводили на Вадима откровенное уныние. Привыкший за долгие годы к активным действиям, физическим и нервным нагрузкам на пределе возможного, он чувствовал, что ему скучно и тоскливо раз за разом перемалывать то, что сам он прекрасно знал и умел. Выходило, что педагог и организатор учебы из него никакой. Вот если бы с «калашом» в джунгли...

Надежда отреагировала на новость на удивление спокойно. Она практически повторила слова Салтыкова о том, что Вадим заслуживает большего, чем сидеть до пенсии в его замах. А что им придется на время расстаться, так это дело привычное. Тем более вряд ли разлука продлится долго. Предстоящая работа – практически дипломатическая миссия, а дипломатам, как известно, жить с семьей вовсе не возбраняется, а очень даже приветствуется.

В общем, когда Вадим зашел в «высокий» кабинет, он был тих, аки агнец, и его мнение едва ли не по всем пунктам совпадало с мнением начальства. Единственное условие, которое он твердо выставил, было возвращение в Отдел после командировки или досрочного ее прекращения. Оно было принято без возражений. Ну а дальше все завертелось в ритме кадрили, так что у Вадима голова пошла кругом.

Беседы, инструктажи, согласования и наставления на высших, не очень высоких, низеньких, но о-очень важных уровнях, от Администрации президента и МИДа до родной Службы и ДЭЗа, в который следовало предоставить справку, что гражданин имярек убывает в длительную командировку и с него не стоит брать денег за коммунальные услуги; оформление документов, виз и билетов отобрали кучу нервов и сил. Опомнился Вадим уже в самолете, держащем курс на Лондон. Он летел с пересадкой в сердце туманного Альбиона в Асунсьон, столицу Парагвая, которую выбрали в качестве штаб-квартиры регионального центра по борьбе с терроризмом.

Его расположение чуточку не угадал Олег Петрович, укоряя Вадима в желании погреться в «риодежанейрах». Та же широта Южного тропика, вот только с пляжами в Асунсьоне был явный дефицит по причине нахождения Парагвая почти в центре Южной Америки. До ближайшего атлантического песочка, что в Рио-де-Жанейро, тысячи полторы верст наберется. А может, Дед и не угадывал, а уже точно знал, куда отправится Вадим?

Для него самого назначение в этот регион явилось достаточно неожиданным. Он больше специализировался по Ближнему и Среднему Востоку, но никак не по Латинской Америке. Викинг, правда, участвовал в одной краткосрочной операции на юге Колумбии, да еще «прорезал» по Сьерра-Марино.

Колумбийская операция случилась более десяти лет назад. Вадим был пристегнут к ней буквально за несколько дней до начала из-за болезни одного из бойцов из группы Мао, которая привлекалась на заключительный «боевой»

этап. Тогда они пресекали деятельность отечественных дельцов, пытавшихся наладить канал поставки в Россию кокаина из медельинского картеля. У родных осин их прижать было никак нельзя, слишком высокая «крыша» прикрывала шустрых ребят. Вот и решили нарисовать картинку местных разборок, под которые те должны были случайно попасть. Сработали успешно. Группа российских «туристов», плывшая на переговоры с одним из наркобаронов, упокоилась на дне реки вместе с катером. На том печальном эпизоде и завершилась попытка налаживания делового контакта с медельинцами.

И короткое пребывание в Сьерра-Марино мало способствовало вдумчивому изучению обстановки в регионе. На осмысление местного колорита времени не было. Позади него все горело и рыдало, а впереди – разбегалось в ужасе и пряталось или все же стреляло и падало... Хотя, стоило отметить, именно там Вадим столкнулся с наемниками, которые были связаны с террористами. С его, Викинга, помощью был уничтожен отряд «диких гусей» легендарного Идальго – Габриэля Кортега, непосредственно контактировавшего с законспирированной международной террористической организацией, носящей имя «Красный Легион».

О «Легионе» было известно, что он причастен к взрывам в Бейруте, Лондоне и Риме, к оказанию помощи радикальным палестинским организациям и талибам, к похищениям и убийствам политических деятелей. Его руководитель, скрывающийся под псевдонимом Лукас, был личным другом Арафата. Вот только на этом вся информация о террористах и заканчивалась. Хотя за «Красным Легионом» уже не одно десятилетие гонялись многие спецслужбы мира, о нем практически ничего не было известно. Не знали ни места базирования, ни численного состава, ни источников финансирования. Можно было искренне поощрить Лукаса за профессионализм в четкой организации дела. Как минимум пожизненным сроком...

На этом, пожалуй, и заканчивались познания Веклемишева о состоянии дел в части, касающейся обстановки с террористами на южноамериканском континенте. Можно было вытянуть из памяти еще кое-какие данные по Венесуэле, Колумбии, да и по самому Парагваю, однако это в основном были отрывочные сведения, причем не первой свежести.

Так что великим специалистом по этому региону он не являлся. Плюсом являлось неплохое знание Вадимом испанского языка. Еще можно добавить качественное владение английским и на бытовом уровне – французским и немецким. О фарси

или совсем уж экзотичном для латиносов чеченском языке поминать не стоило, как и о наречиях пушту. На хрена козе баян... В общем, для исполнения обязанностей клерка в международной ооновской богадельне талантов было если не в избытке, то в достаточной мере. Как там Мао говорил: «для координации и создания информационного блока». Ну уж на это силенок точно хватит.

А еще было интересно, кто все же дал на Вадима наводку. Олег Петрович и Мао не лукавили. Он собственными глазами видел в МИДе на себя запрос из ООН за подписью заместителя Генерального секретаря. Ну что же, и эта загадка должна в скором времени разрешиться.

По громкой связи объявили о начале регистрации на рейс Лондон – Асунсьон, и над одной из стоек зажегся его четырехзначный номер. Вадим не спешил и потому некоторое время гулял по залу, дожидаясь, когда основной наплыв пассажиров к стойке схлынет. Он подошел к стойке, когда там почти не осталось народа. Перед ним стояла пожилая пара, по виду – туристы-янкесы и совершенно расхлябанного вида патлатый юнец в рваных джинсах. Не обращая внимания на окружающих, он дергался под неслышимую музыку из плеера, висящего на поясе. Вадим пристроился за ними. Формальности проверки документов и досмотра нехитрого багажа для него прошли без проблем.

Его чемодан поехал по ленте транспортера, человек в форме провел по нему вилкой металлоискателя и охлопал по бокам, после чего миловидная девушка, заученно улыбаясь, возвратила документы и посадочный талон. Вадим думал, что он последний на регистрацию на рейс, но ошибся. В это время к стойке подошла группа из пяти человек. Проходя через турникет, Вадим оглянулся на прибывших и немедленно встретил тяжелые взгляды широкоплечих мужчин. Почему-то сразу возникло ощущение, что эти люди если не сотрудники спецслужб, то телохранители – точно. Второе казалось более вероятным.

Профессионально прикрытая хранителями приятных для мужского взгляда форм, к стойке шагнула жгучая брюнетка. Вадиму бросились в глаза резкие, но привлекательные черты лица. Даме было лет тридцать пять. Видимая простота делового костюма выдавала его происхождение от нехилого кутюр, а солнечный зайчик, отразившийся от часиков на тонком запястье, был слишком ярким и наверняка принадлежал лучику света, преломившемуся в бриллианте чистой воды.

За секунду срисовав облик незнакомки, Вадим приветливо улыбнулся свирепо уставившимся на него телохранителям и двинулся в зал ожидания. Скоро их рейс пригласили на посадку в самолет. Вадим по-прежнему не спешил. Приятно было никуда не торопиться, не пытаться слиться с толпой пассажиров, изображая серую мышку-норушку. Когда еще такое случится? А может, наоборот, теперь только так и будет...

Вадим последним поднимался по трапу «Боинга». Ему опять на глаза попала дама со свитой из суровых бодигардов. Число последних, правда, уменьшилось до двоих. Брюнетка, умело прикрытая телохранителями на ступеньках трапа стандартным «бутербродом», уже заходила в самолет. Вадим, поднявшись на борт, автоматически отметил, что они проследовали в первый класс. Подобной роскоши российский командировочный позволить себе не мог, билет у него был в экономкласс.

Его место было в предпоследнем ряду у прохода. На соседнем кресле у окна расположился примерно его возраста блондин с солидным брюшком, по виду – клерк средней руки, явно американец или англичанин. Впереди сидел расхристаный юнец, знакомый по регистрации. Он, правда, уже не отбивал ритм, но по-прежнему был отгорожен от мира наушниками.

Вадим внимательно прослушал объявление о маршруте, условиях и времени полета. «Боинг-747» парагвайской авиакомпании собирался лететь на ужасной высоте в сорок тысяч футов над грешной землей с антарктической температурой воздуха за бортом в минус шестьдесят градусов по Цельсию. По дороге лайнер должен был совершить посадку в Майами для дозаправки горючего и далее следовать непосредственно на Асунсьон. Ну и, как и положено, командир корабля и экипаж от всей души желали пассажирам приятного воздушного путешествия.

Ничего нового для себя Веклемишев не услышал. Если честно, то и особо приятного от столь утомительного перелета он не ожидал. И еще до отъезда в Москве Вадим изучил предстоящий маршрут, проследив его по карте, вытаскивая из памяти то, что было заложено опытом и что вряд ли могло пригодиться ему в этой поездке. Не было нужды Викингу опасаться внимания спецслужб и излишней бдительности пограничной охраны и таможенников. И не стоило ему отрабатывать пути отхода и запоминать адреса в чужих городах. Викинг ушел, затерялся где-то в далеком прошлом. А в настоящем добропорядочность и законопослушание были предписаны г-ну Веклемишеву В.

А. Но привычка тщательной подготовки осталась, и ничего с этим он поделаться не мог.

«Боинг» вырулил на взлетную полосу, сотрясаясь, лихо заревел моторами и, ускоряя темп, побежал по бетону. Разбег, толчок... Неспешно, но уверенно набрав высоту, самолет пару раз накренился, выбирая курс, потом выровнялся и почти перестал вибрировать. Шум двигателей отдалился и стал тише. Вадим повернул голову к иллюминатору. За стеклом сгустилась темнота. Время шло к полуночи по среднеевропейскому. «Боинг» пытался догнать ушедший на закат день, а ночь спешила за ним, не давая совершить столь неестественный поступок.

Улыбчивые бортпроводницы, одаривая пассажиров ослепительно-стандартными улыбками, заскользили по салону, развозя по двум проходам напитки с градусами и без оных, а также прессу. Веклемишев ограничился лишь стаканом минералки и, проигнорировав «Таймс» и «Вашингтон пост», лежащие на нижней полочке столика, выбрал средней толщины газету с неброским названием «Новедадес» – «Новости» на испанском языке. Пора было входить в реалии будущей работы. Сосед с брюшком едва ли не презрительно глянув на выбор Вадима, с ярко выраженным акцентом уроженца южных штатов потребовал у бортпроводницы «Ньюсвик». На столике нашлось и такое печатное издание.

Вадим про себя обозвал соседа расистом и углубился в чтение периодики. Газета оказалась столичной парагвайской. Ничего особо интересного для себя он в ней не обнаружил. Шли стандартные новости местной политики и экономики. Пробежав глазами пару разворотов, Вадим отложил газету и решил предаться отдыху. На дворе... точнее, за бортом ночь, время – спать. Как там по Сереге-Мао: «Ваш отдых – тоже оружие».

Глава 3. Они сами пришли

Дозаправка в Майами много времени не заняла. Вадим едва успел обозреть через стекло зала для транзитных пассажиров окрестности аэровокзала столицы Флориды и выпить в баре кофе, как объявили посадку на его рейс. К стойке выстроилась очередь. Кто-то из пассажиров сошел в Майами, но некоторые лица попутчиков были знакомы.

Пожилая пара, которую Вадим в Хитроу ошибочно определил как туристов-янкесов, посещавших старушку Европу, все же летела в Парагвай. А вот и юнец с плеером активно машет головой под музыку, словно лошадь, отбивающаяся от слепней. Сноба-америкоса с брюшком Вадим в очереди не обнаружил. Жгучая брюнетка с мордоротами выплыла откуда-то сбоку, из-за дверей, надо полагать, VIP-зала. Остановились в сторонке в ожидании, пока рассосется толкучка у стойки. Парни так и рыскают глазами по сторонам. Такое впечатление, что они еще более насторожены, чем в лондонском аэропорту.

Когда очередь стала пожиже, Вадим пристроился в ее хвост. Несмотря на то что основная масса пассажиров летела из Лондона, все формальности досмотра повторялись в Майами в полном объеме.

Он подал мулатке в форме с авиационными шевронами паспорт и посадочный талон и отдался в руки хмурого полицейского. Тот умело обшарил его с головы до ног, скучно оглядел снятые туфли и знаком показал, что пассажир может следовать дальше. Его паспорт уже был передан по эстафете человеку в строгом костюме, надо полагать, пограничнику или сотруднику службы безопасности.

– Вы, сэр, гражданин России? – строго спросил секьюрити, внимательно изучая документ.

Вопрос был идиотский, потому что служивый держал в руках паспорт с державным орлом. Однако Вадим знал, что на самые дурные вопросы нужно отвечать искренне и с радостью. Шутки и излишнее умничание в подобных присутствиях, тем паче в Штатах, да еще от иностранцев, воспринимаются не иначе как оскорбление. А уж как испортить настроение весельчаку, эти молодцы знают.

– Я гражданин России, – лаконично подтвердил он.

– Вы летите в Парагвай? – впился взглядом в лицо Вадима контролер.

– Я лечу в Парагвай, – умело изобразил на лице вежливую улыбку Веклемишев. Странно, если бы он стремился на рейс до Асунсьона с целью попасть, например, в Гренландию.

- Цель вашей поездки? – выдал очередной стандартный вопрос секьюрити.

- Служебная, – не моргнув глазом доложил Вадим. – Я лечу в Парагвай для работы в международном представительстве.

Похоже, его ответы удовлетворили строгого сотрудника. Он перевернул страницу, клацнул печатью и вручил Веклемишеву его документы. В завершение ритуала досмотра американец степенно кивнул и заученно выдал:

- Счастливого пути, сэр!

- Благодарю, сэр! – вежливо в тон откликнулся Вадим.

Разговор велся на английском, но комментарий к нему поступил по-испански. За спиной Веклемишева грудной женский голос насмешливо выговорил:

- Ты, Рауль, как всегда, излишне подозрителен. Сеньор всего лишь русский шпион. А ты его хотел записать в наемные убийцы.

Вадим, застегивая пиджак, с интересом оглянулся. Брюнетка, в это время проходящая контроль, через плечо разговаривала со своим телохранителем.

- Все русские – мафиози, сеньора, – безапелляционно заявил громила и, встретив взгляд Вадима, грозно нахмурил брови. – И этот малыш – не исключение.

- А еще мы пожиратели детей и хорошеньких женщин, – не удержался Вадим.

В дополнение к сказанному он перевел на испанский русскую поговорку про то, что мал золотник, да дорог. Правда, ввиду отсутствия в языке Сервантеса такого понятия, как золотник, он заменил его на бриллиант. И добавил, глядя на сурового Рауля, несколько слов про большую бестолковую кучу, правда, не определив точно ее состав, хотя это и без уточнения было понятно. На даме за ее «шпиона» он отыгрываться не стал, ограничившись выговором бодигарду. Правда, и этого было достаточно, чтобы брюнетка поняла, что ее одернули. А ты не хами! Даже если считаешь, что тебя не понимают.

Шкаф по имени Рауль, посчитав услышанное оскорблением, что было недалеко от истины, насупил, расправил плечи и попытался шагнуть к Вадиму. Резкий оклик полицейского остановил телохранителя. Служитель закона выкинул руку и указал место, где должен стоять рассерженный бодигард. На шум из глубины зала уже спешили встревоженные его коллеги, на ходу лапая кобуры пистолетов.

Оценив обстановку, Рауль мгновенно вскинул руки с открытыми ладонями, показывая, что он белый и пушистый. Брюнетка остановила полицейских коротким «ноу проблем» и с холодным интересом посмотрела на Вадима. Тот спокойно принял взгляд и коротко склонил голову, как бы принося извинения за резкость. Дама, не дрогнув ни единой черточкой лица, выдержала паузу и затем безразлично отвернулась. Надо было полагать, что на этом инцидент исчерпан, тем более что тезис «ноу проблем» подтвердил коллегам полицейский на досмотре.

– Проходите, сэр, не задерживайте регистрацию, – подал голос строгий секьюрити. Уголки его рта неожиданно тронула улыбка, и он негромко под нос пробурчал: – У этих русских всегда было хорошо с юмором.

Похоже, американец неплохо понимал по-испански.

Утро догнало их «Боинг» над Мексиканским заливом. Солнце искрилось миллионами блесков на бесконечной глади воды, уходящей к далекому горизонту. Вадим мог рассматривать такую замечательную картину через иллюминатор. Он сидел уже не у прохода, откуда наблюдать пейзаж было проблематично, а у окна. Справа от него располагался латинос лет тридцати, крепкого телосложения, с зачесанными назад блестящими иссиня-черными волосами. Молодой человек загрузился в самолет в Майами и попросил Вадима поменяться местами. Несколько сконфузившись, сосед пояснил, что у него проблемы с желудком и он будет тревожить Веклемишева, отлучаясь в туалет.

Следовало отметить, что хворость особо не проявлялась, и молодой человек по нужде более чем за два часа полета отлучился всего лишь один раз и то ненадолго. А так латинос сидел в кресле, держа на коленях закрытый ноутбук, который вытащил из сумки сразу после взлета. Он устремил все свое внимание в салон, высматривая впереди для себя нечто интересное. Что он там хотел разглядеть, помимо затылков пассажиров, было совершенно непонятно. Мужчина временами елозил в кресле, иногда задевая Вадима.

Веклемишев попытался снова вчитаться в парагвайскую газету, но и на этот раз долго не выдержал. Новости экономики, политики и светской жизни Асунсьона и прилегающих к столице территорий были для него не слишком интересны по банальной причине – крайней отдаленности от предыдущей жизни. Вадим отложил газету и от скуки через спинку кресла стал изучать названия дисков, которые выложил перед собой на откидной столик юный сосед с плеером.

На его удивление у парнишки был неплохой вкус. «Пинк Флойд», «Лед Зеппелин», «Дорс» – классики тяжелого рока. Их Вадим слушал в дни своей юности, да и в зрелости не чурался, как и более поздних, но никак не менее серьезных групп «Нирванна» и «Ю ту».

От созерцания дисков Веклемишева отвлекло очередное активное шевеление справа. Латинос дернулся, заерзал на своем кресле и задел локтем Вадима. Веклемишев с досадой покосился на него и разглядел, что сосед очень заинтересовался стюардом, который катил мимо них тележку по проходу. На ней стоял никелированный кофейник и еще что-то, накрытое белой салфеткой, судя по очертаниям – чашки. Стюард, молодой чернявый парень в белом коротком кительке с нашивками авиакомпании, прошествовал с сервировочной тележкой по салону и скрылся за занавеской, закрывающей проход в бизнес-класс и пилотскую кабину. Сосед, едва не свесившись с кресла, внимательно проследил за ним, потом выпрямился, вытянул шею и опять начал всматриваться в салон.

Неожиданно Вадим понял, почему он не сумел сосредоточиться на газете и вообще чувствует себя не слишком комфортно. Неизвестно, какая хвороба мучает соседку-латиноса и из-за нее ли он так напряжен и суетлив. Возможно, такое поведение мужчины действительно обусловлено болезнью, усиленной аэрофобией. Могло быть что угодно. Но эта волна напряженности, которая исходила от соседа, хлестнула и по Веклемишеву, плеснув в его сознание холодные брызги тревоги.

Разбираться в своих ощущениях и давать волю фантазиям Вадим не стал, однако насторожился. Нервозность латиноса, его поведение, не совсем адекватное для стандартного пассажира, несколько напрягали. Что он высматривает в салоне, зачем ему ноутбук, который мужчина даже не пытается открыть, почему его так сильно заинтересовал стюард, судя по всему, везущий кофе для экипажа?...

Словно услышав Вадима, сосед неожиданно перестал суетиться и застыл, глядя прямо перед собой. После минуты затишья он снова ожил, полез во внутренний карман пиджака и что-то вытянул из него. Будто ненароком скользнув в его сторону взглядом, Веклемишев разглядел, что латинос держит в руках небольшой предмет размером с палец. Без сомнения, это была флешка. Выходило, что его подозрения беспочвенны. Сосед, наконец, успокоился и решил поработать на ноутбуке.

Вадиму ничего не оставалось, как расслабиться и приписать свои опасения разыгравшемуся маразму. Привыкший к постоянной аналитической работе, причем в очень специфическом направлении, мозг не смог выдержать даже недолгого отдыха и начал функционировать с четким шизофреническим уклоном. Мания преследования уже налицо. А там и кровавые мальчики в глаза полезут...

Однако расслабиться не получилось. Кто-то другой, может, и не обратил бы внимания, однако профессиональный взгляд Вадима в момент засек безмолвный диалог стюарда, возвращающегося с пустой тележкой, с кем-то из пассажиров в первых рядах. Совсем незаметные движения век и подбородка не вызвали сомнений, что парень в белом кителе сигнализирует о чем-то сидящему там человеку.

Стюард, шагая по проходу, приближался к их ряду. Веклемишев не смотрел в его сторону, однако периферическое зрение не выпускало парня из вида. И он поймал миг, когда глаза стюарда встретились с глазами его соседа. И Вадим мог поклясться, что произошло то же самое, что он уже видел несколько секунд назад: едва заметное движение век и неуловимый кивок, обращенные к латиносу с ноутбуком. Если бы Викинг не ожидал этого, он, может, и не обратил бы на мимику стюарда никакого внимания, как и все остальные пассажиры. Но он обратил. И никаким шизоидным бредом здесь не пахло.

Внешне Веклемишев остался совершенно спокойным, но его мозг заработал в усиленном режиме, прокачивая ситуацию. Охотничий пес принял стойку. Что происходит в самолете? Кто эти люди, подающие сигналы друг другу? Может, они террористы, готовые захватить «Боинг», или наоборот – агенты службы безопасности, пытающиеся предотвратить теракт? Вполне могло быть, что это полицейские, участвующие в операции по поимке или слежке за преступником. Все варианты имели право на существование.

Наработав предположения, Веклемишев остановился на главном: на собственном отношении к происходящему. Кидаться с шашкой наголо и рубать предполагаемых террористов было бы идиотизмом. Тем более что они запросто могли оказаться полицейскими или бойцами спецподразделения. Кстати, Вадим знал и явно подозревал лишь двоих – своего соседа и стюарда. А того, кто сидит в первых рядах, он с ходу вычислить не мог. И сколько их может находиться в самолете? Передать сообщение командиру экипажа? А что он может ему сообщить? Что стюард делает глазки пассажирам? И отправить весточку шеф-пилоту через самого стюарда? Послать сигнал с борта самолета? Куда, чем и как?... Быстрее его пошлют, причем уже известно куда.

Ни один из активных вариантов не годился. По крайней мере в ближайшее время, до той поры, пока окончательно не прояснится обстановка. Ему оставалась роль наблюдателя и не более. А может, и вовсе ничего не произойдет. Такое вполне могло случиться, хотя Вадим в это не верил. Просто не верил, и все. И не от того, что был пессимистом, а потому что у него появилось предчувствие, которое его редко подводило в жизни.

Не подвело оно и сейчас. Прошло не более десяти минут, как стюард скрылся в служебном помещении, и снова появился в проходе с тележкой. На ней стояла большая никелированная супница, прикрытая сверху салфеткой. Прежним маршрутом стюард прошел за занавеску, прикрывающую ход в первый класс и пилотскую кабину. Вадим внимательно смотрел на парня, когда тот шествовал по ближнему к нему проходу между креслами. Никаких видимых признаков напряжения он не видел. Хотя... Ему показалось, что руки стюарда слишком крепко сжимают ручку сервировочного столика. Или действительно показалось? Нет, все же он прав. Что-то назревает!

Некоторое время ничего не происходило. Секунды для Вадима текли медленно как никогда. Веклемишев не услышал за гудением авиационного двигателя рассеянных глушителем глухих хлопков выстрелов – он их ощутил кожей, будто три взмаха крошечного веера. Вадим слишком хорошо знал, что это за дуновения. Первый, второй... с небольшой паузой – третий...

Неожиданно занавеска отлетела в сторону, и в салон ввалился стюард. В его правой руке был зажат пистолет с длинным наростом глушителя на дуле, а левой он держался за живот. По белому кителю расплывалось ярко-красное пятно. Истошный женский крик перекрыл общий вздох застывших в изумлении пассажиров.

Со второго или третьего ряда к стюарду, медленно оседающему на колени, метнулся мужчина. Он выхватил у раненого пистолет и повернулся лицом к салону. Дуло умело плясало в его руках, обшаривая ряды пассажиров в поисках героя, который решился бы совершить подвиг. Похоже, таковых в наличии не имелось.

Веклемишев с удивлением разглядел, что этим шустрым малым оказался не кто иной, как пожилой мужчина из пары, которую он сам еще в Хитроу определил в туристы-янкесы. Похоже, крупная ошибка со стороны Вадима вышла. Не угадал он ни цели их путешествия и, вероятнее всего, не угадал и национальной принадлежности. А возраст, судя по молодцеватости субъекта, похоже, делу не помеха.

– Молчать! – по-испански с сильным акцентом оглушительно проорал гудевшим пассажирам «турист». – Всем сидеть! Это захват самолета. При попытке сопротивления мы взорвем «Боинг».

Веклемишеву в этот трагический момент почему-то вспомнилось наставление Деда, которое тот дал ему перед отъездом.

– Ты там поаккуратнее, – насупил брови Олег Петрович. – Никуда не ввязывайся. А то я тебя знаю!

Как в воду глядел старый. Ну не хотел он, они сами пришли...

Глава 4. Вопросы без ответов

Сосед, как и предполагал Веклемишев, состоял в компании угонщиков «Боинга». Когда из-за занавески в салон вывалился окровавленный стюард, он на секунду застыл соляным столбом. Но выход на сцену пожилого «туриста» оживил латиноса. Он судорожно стал тыкать флешку в гнездо ноутбука. Вадим не стал мешать гражданину. Ему было прекрасно известно, что самые страшные – первые минуты захвата. Террористы, как правило, в это время возбуждены до крайности и начинают крушить всех и вся. Убивают тех, кто случайно или неслучайно дернулся, не так или не туда посмотрел, немедленно не выполнил

требование захватчиков...

Вот и сейчас Веклемишев с опаской наблюдал за тем, как сосед дрожащими от волнения пальцами втискивает флешку в отверстие в боковой панели ноутбука. Он уже не сомневался, что этот стерженек размером с пальчик к высоким технологиям отношение имеет непосредственное, только не к компьютерным, а к самым что ни есть оружейным. Взрыватель был умело замаскирован под флешку.

И сам ноутбук, без сомнения, загружен взрывчаткой. Мудрено разглядеть через аэропортовскую рентгеновскую установку замаскированную, вылепленную в виде электронной панели с вкраплениями фальшдеталек, пластиковую мину. Такую штучку возможно обнаружить только при помощи газоанализатора или нюхательной собачки, натасканной на взрывчатку. Правда, есть комплексы просвечивающей аппаратуры типа нашего «Аракса», которые по спектральному анализу определяют наличие в багаже взрывчатого вещества. Но ничего подобного на контроле в транзитном зале Майами Веклемишев не наблюдал. Да и на миниатюрные контакты флешки подкова металлоискателя не могла сработать. Ребята, видимо, хорошо изучили систему контроля аэропорта, раз сумели протащить на борт заряженный пластитом ноутбук.

Вадим изучал похожую поделку, только исполненную в образе радиоприемника. Их в свое время производили в секретной лаборатории в Ливии. Правда, то производство уже лет пять не работало, уничтожили его на корню. Как Каддафи взял курс на открытость и видимое миролюбие, так лавочку и прикрыли. Это Веклемишев знал точно. Информация пришла из «Моссада», а те парни, как правило, дезу не сливают. Выходило, что кто-то подхватил выпавшее из рук знамя...

Мешать латиносу было чревато возможностью заработать кусочек свинца в жизненно важный орган. Несомненно, тип с пистолетом в передней части салона не только устрашал пассажиров, но и внимательно следил за подельником с миной. Не было сомнений, что сосед Вадима играет одну из главных ролей в спектакле, и его старший товарищ с пистолетом сделает все, чтобы это представление не сорвалось. Не исключалась возможность, что где-то рядом засел еще один террорист, страхующий латиноса. Да и сам господин бомбист, если попытаться помешать ему, от страха или от отчаяния может случайно или вполне осознанно привести в действие взрыватель. И тогда вспорхнут они всем списочным составом «Боинга-747» рейса Лондон – Асунсьон к небесному куполу,

аки архангелы, крылья широко раскинув...

Эти размышления в считанные секунды пронеслись в сознании Веклемишева. Результатом мозгового штурма явилась наиболее оптимальная линия поведения – спокойствие и неподвижность. Не поворачивая головы, Вадим краем глаза проследил, как сосед наконец воткнул взрыватель в гнездо и вскочил с кресла. Он медленно пошел по проходу, подняв над головой ноутбук-мину. Вадиму было видно, что большой палец правой руки латиноса лежит на головке эрзац-флешки. Надо полагать, взрыватель исполнен в нажимном варианте. Веклемишев принял данное наблюдение к сведению.

– У этого человека в руках мощное взрывное устройство, – громко провозгласил пожилой и повел стволом пистолета в сторону латиноса. – Если кто-то попытается оказать нам сопротивление или захочет обезвредить мину, произойдет взрыв, и самолет развалится на кусочки.

Пожилый мрачно обвел взглядом пассажиров.

– Мы готовы к смерти, – зловеще сообщил он и сразу резко выкрикнул: – А кто из вас хочет отправиться на тот свет?

Пассажиры затравленно молчали. Было лишь слышно, как глухо стонет лежащий на полу раненый стюард. Им сейчас занималась напарница пожилого. Она вскочила с кресла следом за ним, юркнула за занавеску к пилотской кабине и скоро вернулась обратно, что-то буркнув в спину подельнику. Надо полагать, доложила, что там все в порядке. Вероятно, стюард сработал в целом как надо, хотя малость и лопухнулся, поймав пулю в живот. Сейчас женщина стояла на коленях, пытаясь перевязать его.

Латинос прошел через весь салон и встал рядом с «туристом». Он опустил ноутбук на уровень груди, но палец со взрывателя не снял. В это же время справа от прохода, впереди через два ряда от того места, где сидел Веклемишев, из кресла поднялся мужчина европейской наружности, лет сорока. Он коротко кивнул пожилому и двинулся в конец салона к служебным помещениям.

Через считанные секунды из-за перегородки слышались женские визги, а вскоре из распахнутой двери одна за одной вылетели три стюардессы.

– Присаживайтесь, сеньориты, – через весь салон крикнул им пожилой, и голос его посуровел: – Я кому сказал, сесть! Это захват самолета!

Стюрадессы испуганно кинулись выполнять приказание. Одна плюхнулась в опустевшее кресло рядом с Вадимом, вторая – заняла место террориста, который вытолкнул их в салон, а третья, пометавшись по соседнему проходу и не найдя, где пристроиться, опустилась прямо на пол.

«Европеец» задержался в служебном помещении. Он появился через несколько минут и занял позицию в конце салона у входа в отсек для обслуживающего персонала. Осторожно оглянувшись, Вадим отметил, что тот также успел вооружиться пистолетом, правда, без глушителя. И то верно: соблюдать тишину уже не требовалось. Викинг даже марку успел заметить: «Кольт-1911». Такой же, видимо, и у пожилого. Издалека не рассмотреть, но схож крупными габаритами. По всему выходило, что стюард оборудовал на кухне тайничок – себя и товарищей обеспечил оружием.

За время отсутствия «европейца» пожилой угонщик успел прочитать пассажирам лекцию о том, как им следует себя вести. Запрещалось вставать из кресел, разговаривать друг с другом, пользоваться мобильными телефонами и так далее, согласно обычному перечню требований террористов. За все возможные прегрешения кара полагалась также стандартная: смерть.

Вадим уже не сомневался, что угонщики не блефуют. Выстрелы в салоне первого класса наглядно подтвердили серьезность их намерений. Стрельба в самолете, летящем на высоте двенадцати километров над землей, может привести к его разгерметизации. Кому как не Веклемишеву знать статистику, что в девяти случаях из десяти резкая потеря давления в фюзеляже приводит к катастрофе. Пилоты просто не успевают среагировать на разгерметизацию.

Можно с уверенностью сказать, что и угонщики представляли возможные последствия, но все равно пошли ва-банк, причем на грани фола. А то что начали захват непосредственно со стрельбы, а не с банального запугивания, также объяснимо. Подобная тактика очень хорошо дисциплинирует заложников – все меньше рассказывать, кто здесь главный. Как там у классика: «Теория мертва, но вечно зелено древо жизни...»

И подготовка к акции очень смахивала на профессиональную. Мина-ноутбук, внедренный на рейс стюард, оружие на борту, посадка фигурантов в разных аэропортах... А уж выстрелы в первом классе дают волю буйной фантазии. На демонстрацию силы эта перестрелка точно не тянула, так как она произошла не на глазах у основной массы зрителей. Из этого следовало, что угонщики тщательно планировали, против кого применять оружие. Правда, ранение стюарда не очень вписывалось в общий сценарий захвата. И это настораживало. Выходило, что в самолете, помимо самих угонщиков, были еще вооруженные люди. И у них также пистолет с глушителем, и они сумели пройти через контроль в двух аэропортах. Но что это может означать – сопротивление захвату или разборку? Пока непонятно...

Версии и предположения вихрем носились в голове Веклемишева. Уравнение никак не выстраивалось. Незвестных величин в нем набиралось в избытке. Можно было лишь догадываться, что произошло с экипажем. По времени и по ощущениям Вадима стрельба случилась только в салоне первого класса. Вероятнее всего, летчиков не «мочили», а дали испить соколам парагвайским приготовленный стюардом кофе. Хорошо, если он был заряжен снотворным, а не чем-нибудь покрепче.

Очень интересовало, в кого стрелял стюард. Из тех, кто летел в первом классе, Вадим знал лишь брюнетку с телохранителями. Но и кроме них там могли быть другие пассажиры. Кстати, оружие, из которого ранили стюарда, в самолет бодигарды пронести не могли. Вадим был рядом, когда их досматривали в Хитроу и Майами. Значит, пулю стюарду в живот должен был вогнать кто-то другой. Еще одно неизвестное...

Очень тревожил вопрос, который можно было охарактеризовать как жизненно важный: если экипаж в отключке, почему самолет не падает? Ответ напрашивался сам собой: «Боинг» летит на автопилоте. Но ему когда-то нужно садиться. На самоубийц угонщики точно непохожи. Тогда, возможно, экипажу вкачали легкое снотворное, чтобы они на начальном этапе не дергались. Нельзя исключать и то, что кто-то из пилотов находится в сговоре с захватчиками... Однако и то, и другое не более чем предположения.

Неизвестно и главное. Какие цели преследуют угонщики? Какие требования и кому они хотят предъявить? Интернациональный состав террористов давал волю фантазии. Ближний Восток Веклемишев как специалист отсек, почти не сомневаясь. Во-первых, внешне никто из угонщиков не тянул ни на палестинцев,

ни на иракцев, от которых можно было ожидать подобных эксцессов.

Сирия, Ливия, Иран и Ливан также не были родиной ни одного из этих ребят. Быть может, только немолодая смуглая женщина с черными глазами, что ходила в напарницах пожилого, сошла бы за уроженку тех мест. Но с таким же успехом она могла оказаться и испанкой, и аргентинкой, и чилийкой, и даже грузинкой. Кстати, испанский язык, на котором разглагольствовал перед пассажирами «турист», был не чистым. По акценту и внешнему виду Вадим мог определить его как уроженца балтийских народов Европы. Скорее – датчанина или голландца.

Что касается «европейца», то Веклемишев скорее всего отнес бы его к уроженцам Британских островов, а если еще точнее – зеленых равнин Ирландии. Хотя, вполне могло быть, что там жили далекие предки, а он эти равнины и в глаза не видел. Однако рыжеватый цвет волос и белесая кожа альбиноса с редкими веснушками давали повод это предположить. Сразу явилась мысль об ИРА – Ирландской республиканской армии, но тут же возникли очень серьезные сомнения. Захват самолета – не их почерк. Не было в истории террора случаев, чтобы бойцы ИРА пытались совершить нечто подобное или даже планировали акт угона самолета. Да и их недавним заявлениям о прекращении вооруженной борьбы можно верить.

Своего бывшего соседа Вадим с ходу определил в латиносы, что, вероятно, соответствовало действительности. Бомбист вроде бы пришел в себя, тряска первых минут закончилась. Орлом он не смотрелся, но спокойнее стал, и даже толика суровости во взгляде появилась.

Итак, можно было подводить предварительный итог. Самолет захвачен неизвестными с непонятными пока целями. Операция готовилась тщательно и явно не один день. Роли угонщиков расписаны, материальное обеспечение на достойном уровне. Состав группы интернационален, принадлежность к определенной группировке определить невозможно. Все работают уверенно, за исключением латиноса. Но он явно не определяющее звено в связке, более – статист.

Вывод? Пока никакого. Ничего толкового на ум Веклемишеву не приходило. Очень хотелось задать вопросы стюардессе, присевшей на соседнее кресло, но буквально в трех шагах за их спинами стоял «европеец». За разговоры, как обещал пожилой во вступительной речи, можно было схлопотать пулю в

затылок. Такой конец для опытного бойца, каким являлся Викинг, был бы обиден. Некролог выходил жалкий: погиб за болтовню. Хотя какой он боец – нынче господин Веклемишев не кто иной, как официальный представитель РФ в дальних странах.

Оставалось только ждать и надеяться. Верить в лучшее хотелось, жаль, оснований к этому не было. Уравнение не решалось, уж слишком много неизвестных в нем набиралось. Икс, игрек, зет, лямбда, эпсилон – и далее по греческому алфавиту...

Глава 5. Пан или пропал

Пожилой с пистолетом наклонился к напарнице, оказывающей помощь раненому стюарду. После недолгих переговоров он выпрямился, скользнул взглядом по первым рядам и дважды ткнул стволом пистолета в сидящих там пассажиров. Вадиму не было слышно, что он им приказал, но двое мужчин поднялись из кресел. Они подошли к раненому и, неумело подхватив его, вынесли в салон первого класса. Женщина вышла за ними.

Многозначительно покачав пистолетом, пожилой указал им на латиноса с миной-ноутбуком и тоже скрылся за занавеской. Вадим заметил, как впереди задвигались головы пассажиров. Предупреждение, видимо, дошло не до всех.

– Молчать, ублюдки! Не двигаться! – раздался крик сзади.

«Европеец», выдвинувшись со своей позиции, едва ли не бегом проскочил до середины салона и с размаху обрушил рукоять пистолета на голову одного из непослушных пассажиров. Кто-то из рядом сидящих женщин истерично завизжал. Досталось и ей, правда, вскользь, насколько достала рука угонщика. «Европеец» бешено закрутил головой, выискивая непокорных, однако таковых в поле его зрения не оказалось.

– Кому еще непонятно, что мы пришли убивать, а не играть с вами? – проорал угонщик. – Это последнее предупреждение. Следующий, кто шевельнется, получит пулю.

Все застыли в оцепенении. Урок вышел более чем наглядный. Веклемишев автоматически отметил, что испанский язык «европейца», как и его старшего товарища, оставляет желать лучшего. Акцент был жуткий и, несомненно, принадлежал американцу или англичанину. Рыжий угонщик еще раз оглядел салон и неспешно двинулся на свое место к служебному выходу. Едва он успел его занять, как из-за занавески вышли двое мужчин, выносившие раненого стюарда. Нервно оглядываясь, они заняли свои места. Даже издали было видно по их лицам, что увиденное в первом классе оптимизма им не прибавило.

Через некоторое время вышел и пожилой. Глаза всех пассажиров обратились к нему. Он несколько секунд стоял не двигаясь, задумчиво глядя поверх голов, а потом зашагал по проходу между креслами. Мужчина шел медленно, внимательно оглядывая пассажиров. При его приближении Вадим опустил глаза, чтобы их взгляды не встретились. Стандартное правило: никогда не смотри в глаза собаке и террористу – и тот, и другой могут посчитать это вызовом.

Пожилой дошагал до «европейца» и что-то негромко ему сказал. Чуть развернув голову, Вадим отчаянно скосил глаза и смог разглядеть, что угонщики отошли в коридорчик служебного помещения стюардов.

До Веклемишева донеслись невнятные звуки речи, по которым невозможно было определить, о чем говорили террористы. Шум двигателей тягуче забивал слова. Можно было лишь уловить интонации разговора. Голос пожилого угонщика звучал глухо и, как показалось Вадиму, тревожно. По крайней мере, когда он наставлял пассажиров, в его словах проскакивали злость и нетерпение, но ноток тревоги точно не наблюдалось. Когда же заговорил «европеец», стало ясно, что и тот спокоен. Похоже, у ребят появились серьезные проблемы. Вадим напрягал слух, однако ни единого слова так и не смог разобрать.

Разговор продолжался минуты три. Угонщики вышли из коридора в салон. «Европеец» занял свою позицию, а пожилой зашагал по проходу. Дойдя до латиноса, застывшего с ноутбуком, он повернулся к пассажирам и поднял руку, призывая к вниманию.

– Глубокоуважаемые сеньоры и сеньориты! Как я уже заявлял, мы готовы умереть, в отличие от вас, – пожилой сделал паузу и оглядел салон. – Но готовность пожертвовать собой еще не означает, что жертвование обязательно должно произойти.

Угонщик исподлобья угрюмо смотрел на сидящих перед ним людей.

– Но, увы, обстоятельства выше наших желаний. Судьбе угодно, чтобы мы все погибли! – неожиданно голос пожилого взлетел чуть не до фальцета. – Этот самолет будет лететь, пока в нем не кончится горючее. А потом упадет – в океан, в сельву, в горное ущелье... Куда Всевышнему будет угодно. И на то – его воля!

Пассажиры слушали террориста молча. Когда же до них дошел смысл сказанного, в разных концах салона стали слышны плач и возгласы отчаяния. Худой мужчина средних лет вскочил с кресла в передней части салона, панически огляделся и закричал:

– Убийцы! Негодяи! Я хочу жить! Вы не имеете права...

Пожилой угонщик, безразлично поглядел на него и вскинул руку с пистолетом. Глушитель, противно чавкнув, оборвал вопль. Мужчина рухнул в кресло. Пассажиры замерли от ужаса.

– Еще кто-нибудь хочет высказаться? – свирепо выкрикнул пожилой, и его взгляд скользнул по рядам. – Я не люблю, когда мне мешают говорить.

Желающих повторить демарш, как и следовало ожидать, не оказалось. Пожилой держал паузу, рассматривая пассажиров.

– Но мы сможем выжить, – громко произнес он, и неожиданная улыбка растянула его губы. – Если...

И он снова замолчал. Люди в салоне зачарованно ждали, что означает это «если».

– Мы останемся живыми, если среди вас найдется тот, кто сможет посадить этот самолет, – наконец выговорил пожилой, и его глаза стали обшаривать ряды.

Вадим едва не присвистнул от удивления. Похоже, угонщики, при всей, казалось, качественной подготовке к акции, где-то просчитались. И опасность грозит не только пассажирам, но и им самим. Он не верил заявлениям, что эти

ребята готовы умереть. На фанатиков, которых Веклемишев достаточно повидал на своем веку, они не походили. Уверены в себе, жестоки, не останавливаются перед убийством. Но в то, что эти люди пойдут на самопожертвование, Вадим не верил. Слишком умны.

Веклемишев не понимал смысла захвата самолета. У него сложилось впечатление, что стрельба в первом классе едва ли не единственное, чего угонщики добивались. По стандартному для таких акций алгоритму террористы сейчас должны были предъявить свои требования властям – свободы узникам, свержения строя, денег, в конце концов. И соответственно, сообщить о своих претензиях заложникам. Мол, мы не просто так, а за идею... Вот только складывалось впечатление, что после перестрелки угонщиков более всего озаботила посадка. Никаких попыток связаться с землей Вадим не наблюдал. Все активные участники, по крайней мере те, кто уже засветился, толпились в салоне лайнера. Может быть, радист с ними в компании и сейчас он ведет переговоры с наземными службами? Предположение сомнительное. Переговорный процесс, как правило, в компетенции руководителя операции или хотя бы должен проходить под его присмотром. Таковым, судя по обстановке, являлся пожилой «турист», а он не спешил к рации.

Одна смутная догадка возникла в мозгу Веклемишева. Операция захвата могла быть задумана с банальной целью завладения чем-то, что находится на борту «Боинга». Этим «чем-то» могли быть деньги, драгоценности или документы, перевозимые кем-то из пассажиров салона первого класса. Угонщики расстреляли владельца груза или курьера, завладели искомым, но акция пошла наперекосяк. Вмешался случай или просто подвела излишняя самоуверенность исполнителей. Дело обычное, если подготовкой занимаются дилетанты, возомнившие себя профессионалами.

Все версии имели право на существование. Вот только сейчас на первый план выходило не понимание смысла захвата лайнера, а банальное желание выжить. Вадим, озабоченный не менее, чем угонщики, высматривал со своего предпоследнего ряда, не явится ли им спасение в образе пилота, затерявшегося среди пассажиров, способного посадить «Боинг».

Чуда не происходило, а вот смятение народа стало заметно усиливаться, грозя перерасти в панику. Доносились рыдания в голос, люди уже не замирали в креслах от страха перед угонщиками. Было видно, как ходили над спинками головы пассажиров. Вадим под общее волнение аккуратно повернулся и бросил

быстрый взгляд на «европейца». Секунды хватило, чтобы заметить крайнюю злость и, одновременно, растерянность, исказившие и без того не слишком привлекательную физиономию террориста-альбиноса.

Веклемишев перевел взгляд на пожилого. В отличие от своего поделельника, «турист» эмоции держал при себе. По его лицу невозможно было ничего прочесть. Сложив на груди руки, так что дуло пистолета, увенчанное глушителем, едва не касалось щеки, угонщик задумчиво наблюдал за пассажирами. Взгляд его рассеянно, словно бы нехотя, бродил по рядам. Но вот пожилой кисло скривился, посмотрел на европейца и кивнул, видимо, давая команду на наведение порядка.

Тот не заставил себя ждать. Сорвавшись с места, он двинулся по проходу, нещадно колотя рукоятью пистолета – по головам, по рукам пассажиров, которыми они прикрывались от ударов.

– Молчать! Молчать, свиньи! Молчать! – словно заведенный, на каждом шагу, на каждом ударе повторял альбинос.

Проведенная воспитательная работа хотя и не сразу, но дала результаты. Относительный порядок был наведен. Пассажиры застыли в креслах, плач и причитания утихли.

– Я еще раз повторяю вопрос, – громко отчеканил пожилой. – Есть среди вас тот, кто может посадить этот самолет?

Молчание было ответом угонщику. Веклемишеву на мгновение показалось все происходящее сном, горячечным бредом его воспаленного бездельем сознания. Он просто заснул после взлета, и ему привиделся этот захват, в сюжет которого Вадим включил пожилую пару туристов, отложившуюся в его памяти, «европейца», мелькнувшего перед глазами при посадке в Майами, проследовавших в первый класс примечательную брюнетку со своими телохранителями... Вот сейчас он откроет глаза, сбросит с себя тягучую дрему – и данное безобразия сразу прекратится.

Увы, это было не сном, а явью. Можно было сколь душе угодно открывать и закрывать глаза, окружающая картина не менялась. Вадим неожиданно ощутил беспомощность перед обстоятельствами. Он часто смотрел в лицо смерти, и это

было неотъемлемой частью его профессии. Только всегда он знал, ради чего идет на риск и меру этого риска. А сейчас Вадим чувствовал себя бестолковым бараном, которого ведут на заклание – подобное ощущение для него было непривычным и мерзким.

Неожиданно пришло холодное понимание действительности. Уже не взглядом стороннего наблюдателя Веклемишев посмотрел по сторонам. Ситуация складывалась пиковая. Рояля в кустах в виде бравого летчика не наблюдалось. Пассажиры после экзекуции приутихли. Вот только насколько хватит терпения у людей, предвидеть было невозможно. Кто-то один запросто мог сорваться на истерику и спровоцировать у пассажиров панику. А это смерти подобно на летящем на огромной высоте лайнере. Никакой автопилот не справится с безумием толпы. Потом спецы будут головы ломать, пытаюсь разобраться в записях черного ящика. Летели, летели и вдруг бац, центровку потеряли и камнем вниз...

Мозг Викинга с бешеной скоростью просчитывал варианты дальнейшего развития событий. Странно, но почему-то все они сводились к одному. Что там в старом сериале кричал Павка Корчагин: «Смены не будет. Но мы-то здесь!» Перспектива грохнуть с двенадцатикилометровой высоты не прельщала. Был еще малый шанс побарахтаться и, возможно, выплыть, и его надо было использовать. Пан или пропал?

Вадим вскинул руку над головой. Это движение сразу поймал глазами пожилой. После секундной паузы он кивнул «европейцу»-альбиносу. Кивок получился не быстрый, с явно выраженным недоверием. Это понял рыжий угонщик, не ускользнуло сомнение «туриста» и от Веклемишева.

«Европеец», не сводя глаз с Вадима, приблизился к их ряду. Выбросив руку над головой съежившейся от страха стюардессы, он упер ствол «кольта» в голову Веклемишева.

– Ты пилот? Ты можешь посадить наш самолет? Ты летал на «Боингах»? – выдал очередь из вопросов альбинос.

– Я не пилот, – спокойно ответил Вадим, глядя прямо перед собой. – Но я проходил начальную летную подготовку. Правда, летал только на легких самолетах.

– И ты думаешь, что справишься с этой громадой? – перебил его «европеец». – После «Сессны»...

– У вас есть другой летчик? – криво усмехнулся Веклемишев. – Тогда прошу прощения, что отнял ваше драгоценное время.

– Откуда ты взялся, герой? – повысил голос угонщик. – Отвечай быстро и не вздумай врать, иначе я вышибу твои мозги.

– Я русский, лечу в Асунсьон работать в российском торговом представительстве, – выдал Вадим заранее продуманный ответ.

Его слова повергли угонщика в глубокое раздумье. Судя по выражению лица «европейца», русские в этих широтах проходили по разряду экзотики. Похоже, он не был готов к подобному повороту событий. Вадим примерно представлял ход мыслей террористов. Естественно, парни ждут подвоха. Международные рейсы, как правило, сопровождают маршалы – представители службы безопасности авиакомпании. Такой секьюрити, вероятно, затерялся среди пассажиров. Развязать активные действия ему возможности пока не представлялось. А вот если уйти хотя бы из-под одного дула и от глаз латиноса-бомбиста, появится шанс для поэтапной нейтрализации террористов. Поэтому недоверие к добровольцу было делом естественным. Альбинос, готовый к провокации, растерялся от того, что перед ним русский, который на роль подсадной утки явно не тянет.

– Покажи документы, – потребовал «европеец».

Вадим аккуратно, без резких движений, достал из внутреннего кармана пиджака паспорт и протянул его угонщику. Тот убрал ствол пистолета от виска Веклемишева и взял в руки документ. Открыв корочки, он перевернул страницы, пробежал глазами по записям, коротко глянул на Вадима, сравнивая фотографию с реальным обликом владельца, закрыл паспорт и сунул его себе в карман.

– Поднимайся! – коротко бросил ему «европеец» и отступил на шаг назад.

Он повернулся к пожилому и кивнул ему, видимо сигнализируя, что ситуация под контролем.

– Шагай вперед! – скомандовал угонщик и последовал за ним.

Вадим шел по проходу, чувствуя на себе взгляды пассажиров. Он был их единственной надеждой. Вот только у него не было уверенности, что эти надежды оправдаются. Уж слишком многое он брал на себя.

«Европеец» остался в салоне, заняв место пожилого рядом с бомбистом-латиносом. Вадим по команде «туриста» прошел за занавеску. Короткий переход с дверью, ведущей в туалет, остался позади. Открывшийся живописный пейзаж салона первого класса «радовал» реализмом. Два трупа, в которых Веклемишев признал телохранителей брюнетки, покоились рядышком в креслах последнего ряда. Похоже, они не успели совершить ничего героического. Одного убили выстрелом в затылок, у другого входное отверстие пули зияло на виске. Сработано было качественно.

Через проход от убитых секьюрити на разложенном кресле лежал раненый стюард. Он находился без сознания. Одежда и наспех наложенные повязки пропитались кровью. Напарница пожилого сидела напротив. Их взгляды встретились. Женщина безнадежно покачала головой.

Во время безмолвного диалога угонщиков Вадим осмотрелся. За столиком напротив телохранителей валялась тележка, с которой стюард зашел в салон первого класса. Рядом лежала открытая супница. Ее чистота наводила на мысль, что именно в ней транспортировалось оружие из служебного помещения.

Помимо убитых телохранителей, стюарда и сиделки в салоне находилась лишь примечательная брюнетка. Она сидела спиной к Вадиму в передней части салона. Больше никого в первом классе не было. Присмотревшись, Веклемишев обнаружил, что дама пристегнута к ручке кресла наручниками. Его версия, что здесь произошла перестрелка между стюардом и кем-то еще, вооруженным и очень опасным, дала трещину. Два выстрела были произведены в телохранителей, которые, судя по их позам, не успели даже отреагировать. А вот третий... Или стюард сам засадил себе пулю в живот, или это сделала брюнетка. Очень интересный расклад получался!

Глава 6. Лети туда, не знаю куда

Его размышления по поводу третьей пули прервал властный голос пожилого угонщика. Он уже изучил паспорт Веклемишева, врученный ему «европейцем».

– Зачем вы летите в Парагвай? – спросил он, угрюмо глядя на Вадима.

– Работать в российском торговом представительстве, – повторил легенду Веклемишев.

– Где располагается ваше представительство? – последовал быстрый вопрос.

– В Асунсьоне... – начал было Вадим, но его прервали.

– Где конкретно? – нетерпеливо спросил пожилой.

– Понятия не имею, – честно ответил Вадим. – Меня должны были встречать в аэропорту...

– Вы неплохо владеете испанским языком.

– Еще лучше я говорю по-английски. А также могу общаться на немецком, французском и двух наречиях фарси. Я закончил институт иностранных языков, – сообщил Вадим.

Это было чистой правдой, но с долей недоговоренности. Он пропустил в названии института слово «военный».

– Вы собирались работать переводчиком в вашем торгпредстве? – выдал на хорошем английском «турист» и уперся в Вадима холодным взглядом.

– Нет, я направлен руководить отделом поставок российской авиационной техники, – сообщил Веклемишев также на языке туманного Альбиона и, разглядев поднятые вопросительно брови собеседника, пояснил: – У меня есть еще одно образование – коммерческое. Вам повторить сказанное мною на фарси или французском?...

Похоже, ответы удовлетворили «туриста». Он закрыл паспорт, сделал движение, будто хочет засунуть его себе в карман, но после секундного раздумья протянул его Веклемишеву.

- Вы сможете посадить наш «Боинг»? – перешел к конкретике угонщик.

- Попытаюсь это сделать, – честно сказал Вадим. – Я уже говорил вашему коллеге, что прошел курс начальной летной подготовки на легкомоторных самолетах.

- То есть у вас нет опыта летной практики? – кисло констатировал угонщик.

- Я самостоятельно управлял самолетом... – Вадим прикинул на глазок, сколько может налетать дилетант, – тридцать два часа.

- Тридцать два часа полетов на помеле, – обреченно покачал головой угонщик.

- Я летал на «Як-18» и на «Сессне», – с искренней обидой в голосе выдал Вадим.

- Вам не кажется, что это авантюра? – криво усмехнулся пожилой. – Или вас томит жажда подвига?

- Это элементарное желание жить, – парировал укол Вадим.

- Ну что же, мотивация достойная, – после недолгой паузы согласился угонщик. – Тем более что выбора у нас нет. Да и с земли, думаю, нам помогут.

- Что случилось с экипажем? – спросил Вадим.

- Вас это не касается. Хотя... – пожилой пожал плечами. – В принципе это уже неважно. Кофе оказался слишком крепким для них.

- На что вы рассчитывали? – неожиданно вырвалось у Вадима.

- На кретина, – кивнул в сторону лежащего стюарда пожилой. – Этот сопляк должен был вести самолет. Не сумел справиться с бабой...

Вот и разрешилась загадка третьего выстрела. Перестрелки не было. А так как на роль «бабы» в первом классе претендовала лишь брюнетка, выходило, что именно она ранила стюарда из его же пистолета. И случилось это, вероятно, когда парнишка, нейтрализовав телохранителей, взял ее. Расслабился юноша и поломал все планы террористов.

Угонщик посмотрел на наручные часы и неодобрительно покачал головой.

– На разговоры нет времени, – властно бросил он и позвал женщину: – Луиза, оставь стюарда. Ему мы уже вряд ли чем поможем. Иди подмени Рея, он мне нужен здесь.

Женщина молча кивнула в ответ, поднялась и вышла из салона. Через минуту появился «европеец».

– Ты звал меня, Эд? – тревожно спросил альбинос. – Что-то случилось?

– Надо вытащить пилотов из кабины, чтобы не мешали, – сказал пожилой. – Помоги русскому устроиться. И сразу иди в салон. Я боюсь, что это стадо подумает, что Луиза слаба и им можно порезвиться. Нам достаточно трупов.

– Они не знают, кто такая Луиза, – усмехнулся Рей. – Если она рассердится...

– Этого я и боюсь. Поспеши, Рей, – поторопил его пожилой. – Подошел сеанс связи с «вышкой». Я сейчас попробую с ней связаться.

– Есть, мой дженераль, – шутливо козырнул «европеец» и махнул Веклемишеву: – За мной, амиго. Посмотрим, какой ты ас. Хотя нет, для начала проверим, хороший ли ты грузчик.

Итак, кое-какую информацию Вадим получил. Теперь он знал, как зовут трех угонщиков из четверых ему известных: Эд, Рей и Луиза. Жаль только, национальную принадлежность по их именам, как и раньше, вычислить возможности не представлялось. Рей мог быть как ирландцем, так и англичанином или американцем. Луиза виделась уроженкой как минимум трех континентов. А уж такое сокращение, как Эд, предполагало немало развернутых имен: англосаксонские Эдуард и Эдмонд запросто превращались в

испаноязычные Эдуардо и Эдмондо. А поковыряться в памяти, так и Эдвина можно вспомнить и Эдлока...

Более занимала фраза Эда о сеансе связи с «вышкой». «Вышкой» на летном сленге называли пункт управления полетами. Это было достаточно интересным пунктом. По всему выходило, что сообщники угонщиков «Боинга» находятся на «вышке» одного из аэродромов. Гражданского или военного? Неужели они обладают такой мощью, что смогли захватить не только самолет, но и организовать ему посадку в захваченном аэропорту. Нельзя исключить и того, что данная операция организована при участии государственных структур. Не очень верится, но возможно. Под прикрытием и не такое выделывают. Уж кому как не Викингу это знать.

Время для коротких раздумий было. Прежде чем взять в руки штурвал, Вадиму пришлось попотеть, помогая Рэю доставать из кресел пилотов и перетаскивать их в салон. Похоже, присадка к кофе не была смертельной. Оба летчика представляли собой ватных кукол, никак не реагировали на грубые действия при их транспортировке, но дышали ровно и загибаться, похоже, пока не собирались. Радиста и штурмана, а может – бортинженера «Боинга» Вадим не видел, их, видимо, оставили поживать на своих местах за пилотскими креслами.

Втаскивая в салон грузного второго пилота, Вадим встретился глазами с брюнеткой. Она безразлично-холодно выдержала его взгляд и отвернулась. Повторилась сцена, произошедшая у стойки контроля в аэропорту Майами. Опять в голову полезли мысли о причинах захвата самолета. Не укладывались действия этих парней в стандартную схему террористов.

Однако все мысли об угонщиках и их замыслах ушли, едва Вадим сел в пилотское кресло. Он занял место командира корабля. В правом кресле устроился Эд. Рея после перетаскивания пилотов он отправил в пассажирский салон. Свой пистолет Эд передал Луизе, которая заняла позицию в первом классе. Дверь в пилотскую кабину осталась открытой, и женщина держала Вадима в поле своего зрения. Видимо, ему еще не настолько доверяли, чтобы оставаться с ним один на один.

Пока Вадим осваивался, осматривал приборную доску, читал надписи, стараясь разобраться в многочисленных шкалах, тумблерах и ручках, пожилой пытался до кого-то дозвониться по обычному мобильнику.

Веклемишев несколько лукавил, когда говорил угонщикам, что он прошел начальную летную подготовку на легкомоторных самолетах. В действительности, каждый «отделец» проходил курс летного обучения. Их учили летать на всем, что может подниматься в воздух. Правда, настоящей учебой это назвать было трудно, больше подходил термин «натаскивание». Три дня теории, три дня работы на тренажерах и две недели практики полетов на различных типах летательных аппаратов. По темпам они сильно опережали знаменитый шестимесячный курс подготовки сталинских соколов времен Второй мировой войны: взлет-посадка, сержантские треугольники на петлицы и вперед, за орденами. Тактике воздушного боя учились уже на фронте. Тот, кто сумел выжить в первых воздушных боях, становился классным летчиком. По безжалостной статистике пропорция, особенно в начале войны, складывалась удручающая: один ас к двадцати пяти погибшим салажатам. Важна была победа – одна на всех. За ценой не стояли.

Натаскивали «отдельцев» качественно, да вот только Вадим проходил этот курс более десяти лет назад. И летные навыки ему пришлось применить лишь однажды, в Сьерра-Марино. Тогда он угнал легкую двухмоторную амфибию и даже пролетел на ней километров десять-пятнадцать, пока не вытекло горючее из прорывленных пулями баков.

Он не старался вникнуть в назначение всех тумблеров, шкал, контрольных лампочек, в переизбытке теснившихся на приборных панелях. Веклемишев помнил наставление майора-инструктора, разглядевшего его растерянность перед великим множеством огоньков и стрелок, когда он оказался в кресле второго пилота учебного «Ту-16». До этого Вадим уже летал на спортивном «Яке»-спарке, на трудяге «Ан-2» и вертолете «Ми-6». Естественно, там приборов было намного меньше.

Майор усмехнулся в пшеничные усы и по-отечески похлопал по плечу курсанта-«сирийца», которого изображал Веклемишев. С целью особой секретности они тогда маскировались под спецов из дружественных стран. Это чтобы летуны лишних вопросов не задавали типа «откуда» и «зачем». А так взяли дополнительную подписку о неразглашении и приказали учить братьев меньших неразумных, строящих социализм, – и никаких проблем. Тем паче что обучаемые неплохо лопотали по-русски и переводчики им не требовались.

Насладившись эффектом, инструктор сделал размашистый жест в сторону приборных панелей, сунул Вадиму под нос открытую пятерню и стал загибать на

ней пальцы.

- Тебе, парень, из всего этого изобилия надо знать и видеть пять вещей. Секи! Первое: альтиметр – датчик высоты; датчик скорости – два, авиагоризонт – три, шкала гирокомпаса – четыре, датчик горючего в баках – пять. Остальное – херня! Запомнил? В принципе особой разницы между ракетоносцем и «кукурузником» нет. Накручено больше, а смысл тот же самый.

- А штурвал, а ручки управления двигателем, система выпуска шасси, тормозные устройства. Их же тоже требуется знать и видеть... – попытался показать осведомленность «сириец».

- А вот на штурвал и РУДы любоваться незачем, ими работать надо. Ву компрене? – осведомился майор.

- Уи, – показал знание французского Вадим и согласился: – Надо работать! Остальное – херня.

Потрудились они тогда на славу. Полетали на всем, что может летать – с крыльями и без оных. Два ознакомительных полета на «Ту-16», наиболее близком по конструкции к «Боингу», в голове отложились, но не слишком отчетливо. Поэтому сейчас Вадиму приходилось вытаскивать из памяти полузабытые знания.

Кстати, инструкторы при прощании говорили, что толковые им курсанты попались. Все на лету схватывали. И с языком особых проблем не было. А в критических ситуациях запускали по матушке со всем прилежанием и практически без акцента. В общем, хорошие ребята.

Помня наставления майора, Вадим пробежал глазами по приборам и выхватил нужные шкалы и транспаранты. Табло автопилота горело красным огоньком, подтверждающим, что он сейчас в работе. Прямо под ним крупный красный тумблер включения. Авиагоризонт, датчики высоты с двумя стрелками, датчик скорости... Плохо, что градуировка в футах и узлах. Но с этим он справится, не такая уж и трудная арифметика. Вот этот рычаг посередине под приборной панелью – для выпуска шасси, что и подтверждено соответствующей надписью. Ручки управления двигателями, в сокращении – РУДы, под правой рукой. На табло указателя курса отметка сто тридцать три градуса. И означает это, что

летят они на юго-восток.

Вроде все понятно. Дальнейшее изучение вождения «Боинга» пойдет в процессе полета. Немедленно отключать автопилот и брать управление на себя Вадим не собирался. Для этого следовало хотя бы знать, куда нужно вести самолет.

Неожиданно у него похолодело под ложечкой. До Веклемишева дошло, какую ответственность он на себя возложил. Вадим даже мотнул головой в попытке стряхнуть с себя наваждение, которое ему мерещилось. Но, увы, ничего не изменилось. Перед глазами по-прежнему подрагивали стрелки приборов, горели транспаранты с надписями, штурвал сам просился в руки, а в лобовом стекле виднелось изумительное в лазурной чистоте небо. Ни единого облачка до горизонта. Мечта пилота!

Вадим взглянул в левое окошко. Они по-прежнему летели над водой. Он прикинул время полета от Майами, курс и понял, что, вероятнее всего, ошибся, когда предполагал после взлета, что они летят над Мексиканским заливом. Вероятнее всего, трасса их «Боинга» пролегала над Атлантикой. Они ушли от Майами влево, обходя Кубу, Доминику и Барбадос, и сейчас двигались вдоль восточного побережья Южной Америки. Вадим посмотрел через голову Эда в правое остекление кабины, пытаясь разглядеть очертания суши. Но и там, кроме горизонта, ничего видно не было. Тут же в голову пришла мысль, что совсем необязательно они должны находиться над Атлантическим океаном. Самолет после взлета пилоты могли увести вправо и пересечь узкий перешеек земли по югу Мексики или пролететь через Гватемалу или Панаму. «Боинг» сейчас запросто мог двигаться вдоль тихоокеанского побережья тем же курсом. По времени полета не исключался ни тот, ни другой вариант.

Вадим в общих чертах знал, что ориентирование по карте, когда штурман рассчитывает курс и выводит самолет в заданную точку на цель, нынче используется, пожалуй, только военными. Управление гражданским авиационным движением осуществляется диспетчерской службой. Вероятнее всего, у пилотов есть расчеты полета по времени, высоте и курсу, но в любом случае полет контролируется и корректируется наземными службами. А уж при подлете к аэропорту назначения диспетчеры ведут самолет до самой посадочной полосы, уточняя курс и глиссаду снижения до той поры, пока пилот не увидит бетонку.

Веклемишев покосился на наушники с микрофоном, висевшие на подлокотнике кресла. Эд запретил ему надевать их. И кто же будет заводить «Боинг» на посадку? Та пресловутая «вышка», о которой упоминал пожилой угонщик. Неужели сеанс связи, о котором он говорил, будет вестись не по радиии, а с помощью простого мобильного? На спутниковую трубку этот аппарат точно не тянул. И, кстати, Эд уже который раз набирал номер на мобильнике, однако связь не налаживалась.

Данный факт настораживал. Без наведения с земли он не сможет не то что посадить «Боинг», а даже вывести его на материк. Он стал уже гадать, где может находиться их самолет и с какой стороны располагается континент, именуемый Южной Америкой. Повернешь не на тот галс – и возврата нет. Жди потом, когда на горизонте появится Африка или Филиппины. Это если горячего хватит...

Глава 7. Взвейтесь, соколы, орлами

Будто испугавшись мысленных рассуждений Вадима, мобильник сработал, связав Эда с тем, кто ему был нужен. Угонщик говорил громко, а из этого можно было сделать вывод, что связь с «вышкой», если это была именно она, неважная.

В принципе задумка вести переговоры по мобильному телефону была неплохой. Особенно, если угонщики опробовали эту идею раньше. Вадим запомнил слова Эда, брошенные им Рею, о том, что подошел сеанс связи. Следовательно, он точно знал, когда самолет войдет в зону устойчивого приема сотовой связи. А подобных же зон на пути следования самолета могло быть несколько. И на каждой забит свой номер, а по-умному – то и не один. Так можно добиться надежной связи и защититься от пеленга и прослушивания. На языке связистов это называлось уходом на запасную частоту.

Веклемишев внимательно вслушивался в разговор.

– Да, это Эд... На то были причины... Нет, с этим все в порядке, план остается в силе. Основное мы выполнили, но у нас появились серьезные проблемы. Тяжело ранен Давид. Он не сможет вести самолет... Прекрати истерику, идиот! Мы нашли пилота... Ни о какой подставе речь не может идти. Этот парень русский,

летит в Асунсьон работать в торговом представительстве. Говорит на нескольких языках... Ты когда-нибудь видел полицейского, который разговаривал на арабском и еще пяти языках? Да еще с российским паспортом... Нет, на «Боингах» он не летал, только на легких самолетах. И опыта почти никакого... А где я тебе найду другого?... Хватит орать, уже ничего нельзя изменить. Твоя задача рассчитать нам курс на аэродром и обеспечить посадку... Объясняй как хочешь. Ты же у нас великий специалист в авиации. И именно ты готовил придурка Давида, который не смог справиться с этой бабой... Понял тебя: выходим в эфир через пятнадцать минут. Настраивайся и ищи нас на экране. Конец связи.

Эд нажал кнопку на мобильнике и задумчиво застыл, глядя прямо перед собой в лобовое остекление кабины. Для Вадима ничего нового в его разговоре с сообщником, находящимся на земле, не прозвучало. Разве только он узнал, как зовут раненого стюарда. Но пользы от этого было немного.

– Можно поинтересоваться, где мы летим? – прервал думы Эда Веклемишев.

– Зачем вам это знать? – исподлобья покосился на него угонщик и угрюмо-насмешливо буркнул: – Извините, сеньор, но джипиэску я дома забыл. Нас выведут на посадочную полосу. Все под контролем.

– Я понимаю, что вы отлично контролируете ситуацию, – с заметным сарказмом сказал Вадим. – Вот только хотелось бы иметь информацию, в какой стороне Южная Америка. Так, на всякий случай. Вдруг батарейка в мобильнике сядет или сердечко у вас даст сбой от волнения.

– Ах, вы об этом... – протянул Эд, несколько удивленно взглянул на Веклемишева, но его взгляд тут же прояснился. – Мы летим над Атлантикой вдоль побережья. Земля там, – он ткнул пальцем в форточку, располагавшуюся справа от него.

Вадим был удовлетворен полученным ответом. Первоначальная версия насчет курса, которым летел их «Боинг», подтвердилась. Хотя с практической точки зрения эта информация значила немного, но появилась уверенность, что не придется сажать самолет на воду посередине океана. Радовало, что его останки будут покоиться в матушке-земле, а не в желудке трепанга или скользкого морского червя. Шутка, хотя и горькая. Появилась хоть какая-то

определенность. А еще можно констатировать, что пожилой угонщик окончательно утвердился по его детскому вопросу во мнении, что Веклемишев не засланный казачок. И это давало надежду, что к нему станут относиться более доверчиво и, как следствие, расслабленно. То есть не будут ежесекундно ждать от него пакости и держать все время на мушке. Ну а дальше – как карта ляжет.

– Вы разобрались в управлении самолетом? – мрачно спросил у Вадима Эд.

– Больше да, чем нет, – уклончиво ответил Вадим, однако, заметив холодно сузившиеся глаза угонщика, более уверенно сообщил: – Я смогу управлять «Боингом».

Похоже, у этих ребят с юмором сейчас явный напряг. Хотя по «европейцу» этого не скажешь. Альбинос Рей в отличие от Эда и Эльзы держался более раскованно. Правда, у Вадима были сильные подозрения, что его энергия и оптимизм подпитаны искусственно. Уж слишком велики были зрачки у Рея, они расширились едва не на всю радужку. И перемены настроения слишком очевидны. Запросто мог перед началом акции отлучиться в туалет и пройтись по «дорожкам». А может, еще в Майами нагрузился «снежком». Но это сомнительно, столько времени на подъеме Рей продержаться не мог.

Ровно через пятнадцать минут Эд набрал номер и связался с землей. После нескольких фраз разговора Вадим понял, что «вышка» пока не видит их самолет на экране локатора. Видимо, слишком велико было удаление «Боинга» от аэродрома, где сидели сообщники угонщиков.

Разрешилась и задачка, над которой ломал голову Вадим. Связь с землей в первую очередь была нужна ему как пилоту. Заводить на посадку самолет, держа одной рукой штурвал, а второй – мобильник у уха, было нонсенсом. Иметь в качестве посредника для переговоров с землей Эда тоже неразумно – из-за потери времени. В этом случае мог еще и вмешаться фактор «испорченного телефона». Решение проблемы оказалось простым. Коротко переговорив с «вышкой», Эд полез в карман ветровки и передал Вадиму гарнитуру мобильного – «улитку», которую надевают на ухо водители.

Связь была достаточно чистой. За пятнадцать минут полета они вошли в зону устойчивого приема. Мужской голос звучал в наушнике несколько глухо и, по

ощущениям Вадима, вряд ли принадлежал молодому человеку. Заговорил собеседник на чистом испанском языке. И сразу перешел к делу. Назвавшись Доном, он присвоил Веклемишеву позывной «Росси», вероятно, по созвучию с именем далекой родины пилота. Дон запросил у Вадима курс, высоту и скорость полета. Получив данные, он около трех минут молчал, а потом вновь появился в эфире. Видимо, на земле сделали расчеты и решили подкорректировать полет «Боинга».

– Росси, тебе необходимо изменить курс со ста тридцати трех градусов на сто двадцать восемь. Сделать это необходимо как можно быстрее. В противном случае вы войдете в воздушное пространство Бразилии. Доложите ваши действия.

– Выключаю автопилот, выбираю поворотом штурвала влево пять градусов, потом выравниваю самолет по горизонту и опять включаю автопилот.

– Верно, Росси. Работать плавно, без рывков и усилий, – уточнил Дон. – Начинайте маневр.

– Вас понял, Дон, приступаю, – сообщил Вадим.

Его голос прозвучал бодро, однако по спине побежали мурашки. Вадим потянулся к тумблеру автопилота и глянул в сторону Эда. Угонщик сидел с телефоном у уха и напряженно следил за рукой Вадима. Дотронувшись до красной ручки, Веклемишев на секунду застыл, а потом глубоко вздохнул и потянул ее влево. Появилось ощущение, будто он прыгает в холодную воду. Разбег, короткий полет и...

И ничего не случилось, кроме того, что погас экранчик, на котором светилась надпись «Автопилот включен». Самолет летел прежним курсом на той же высоте. И птичка авиагоризонта твердо стояла на горизонтальной черте.

Вадим положил руки на штурвал и стал аккуратно поворачивать его влево. Он почти не прикладывал усилий, но и штурвал не собирался оказывать ему сопротивления. Повинуясь движению, «Боинг» начал едва заметно крениться на крыло. Вадим, чтобы не переусердствовать, вернул штурвал в прежнее нейтральное положение. Птичка авиагоризонта вновь заняла горизонталь, а картушка курса застыла на риске сто двадцать девять градусов. Уже более

уверенно Вадим повел штурвалом и выбрал еще один градус.

– Маневр выполнил. Идем по направлению сто двадцать восемь, – доложил Вадим.

– Молодец, амиго! – слышалось в гарнитуре. – Можно опять включить автопилот. В ближайшие двадцать минут летите этим курсом. До связи. Ухожу из эфира.

Вадим щелкнул тумблером и, как только загорелся транспарант «Автопилот включен», снял левую руку со штурвала и откинулся на спинку кресла. Неожиданно он ощутил, что его спина стала влажной от пота. Ох, тяжелая это работа, штурвалом двигать. Особенно если ты в этом деле «чайник».

Глубокий выдох, сопровождаемый кряхтением, донесся из правого кресла. Веклемишев покосился на Эда и про себя ухмыльнулся. Лицо пожилого угонщика покрывали капли пота. Он сидел неподвижно и продолжал держать у уха молчавший мобильник.

«А жить-то, дяденька, ой как хочется, – позлорадствовал мысленно Вадим. – А кто-то говорил, что готов умереть...»

Почувствовав на себе взгляд, Эд расслабился, опустил руку с телефоном и глянул на Веклемишева.

– А ведь получилось, – одобрительно произнес угонщик и попытался признаться:
– Я как представил...

Однако не договорил, что именно ему представилось. Смахнув со лба пот, Эд поднялся из кресла.

– Я пойду проверю салон. Заодно сообщу, что наш «Боинг» не разобьется, так как его пилотирует классный летчик, русский ас. Надеюсь, никаких глупостей за время моего отсутствия этот ас не совершит. И Луиза за этим проследит...

Через двадцать минут Дон отдал Росси приказ совершить более сложный маневр. На этот раз они не только поменяли курс, но и немного снизили высоту

полета. В авиации последнее, кажется, называется «поменять эшелон». И с курсом, и с эшелонем Вадим успешно справился, хотя момент, когда он подавал от себя штурвал, был не слишком приятный. Почему-то вспомнилась из далекого детства книжка про знаменитого летчика Валерия Чкалова. Был в ней описан эпизод, где рассказывалось, как он проводил испытание самолета на сваливание в штопор. Ручку от себя...

Но и на этот раз все обошлось. «Боинг» не собирался никуда сваливаться и послушно подчинялся Вадиму. Он, правда, не понял, зачем было нужно менять высоту полета. Может быть, его просто тренировали в управлении, а, возможно, у «вышки» были на то свои резоны, о которых докладывать ему, естественно, не собирались. После очередного маневра, когда картушка компаса встала на отметку двести двадцать шесть градусов, последовала команда вновь включить автопилот. Этим курсом они должны были скоро выйти на континент. Вряд ли «Боинг» забрался далеко в океан. Максимум двести-триста километров отделяли их от земли. Ведь недаром Дон опасался, что они могут зайти в воздушное пространство Бразилии. Видимо, он не хотел раньше времени тревожить силы ПВО. Но, выходило, что сейчас эти опасения пропали, хотя летели они именно в страну, где много диких обезьян. Вадим вытащил из памяти очертания карты Южной Америки и примерные расположения государств. Бразилия занимала едва ли не более половины черты восточного побережья. Промаяхнуться или перелететь ее они не могли.

У Веклемишева было время обдумать ситуацию и принять решение, как действовать дальше. Несколько посомневавшись, Вадим отказался от активных действий против Эда с компанией, хотя шансы одолеть угонщиков были. Не слишком великие, скажем, фифти-фифти или малость побольше. Бывали ситуации и похуже, из которых он выходил победителем. Однако сейчас рисковать Вадим не мог. Слишком большая ответственность лежала на нем за жизни пассажиров. Он был единственным на борту, кто мог посадить «Боинг». Точнее, попытаться посадить. Вот когда они будут на земле... Но и это писано вилами на воде.

Так что пусть пока все идет так, как идет. А вообще-то даже интересно порулить воздушным лайнером – когда еще такая возможность представится. Потом будет, что рассказать. Как там в песне поется: «Взвейтесь, соколы, орлами, полно горе горевать!»

Глава 8. Моя твоя не понимает

Допеть песню, однако, не пришлось. Веклемишев периферийным зрением поймал движение слева. Он повернул голову и едва не отшатнулся от неожиданности, увидев в боковом остеклении вынырнувший из ниоткуда летательный аппарат, аккуратно пристраивающийся к «Боингу». Вадиму потребовалось несколько секунд, чтобы определить тип, марку и принадлежность объекта. На летающую тарелку он точно не тянул, а вот истребителем «F-16 – Игл» ВВС Бразилии, без сомнения, являлся. О чем и свидетельствовали опознавательные знаки на фюзеляже. Марки самолетов вероятного противника, да и символику стран, к которым самолеты принадлежат, Веклемишев знал превосходно.

Осмысление ситуации много времени не заняло. Истребитель явно принадлежал бразильским силам ПВО и был поднят по тревоге, когда их «Боинг» вторгся в воздушное пространство страны. Иначе быть и не могло. Лайнер уже более часа летел, не отвечая на запросы диспетчерской службы, если таковые пытались с ним связаться. И последнее изменение курса, похоже, вводило «Боинг» с планового маршрута, делая его нарушителем границы. Как тут не забить тревогу?

По действиям пилота «F-16» было видно, что сбивать их пока он не собирается. Судя по маневрам истребителя, летчик получил приказ разобраться в обстановке. Выровняв скорость, он едва не вплотную притерся к крылу «Боинга». Расстояние между кабинами самолетов составляло не более пятидесяти метров, и Вадиму была прекрасно видна голова пилота в гермошлеме.

– Прикидывайся идиотом, – громко, но не сказать, чтобы взволнованно, прозвучал над ухом голос Эда. – Этот парень попытается узнать, что случилось. Помаше ему наушниками, будто у нас нет связи, и попробуй объяснить жестами, что мы потеряли ориентировку. Нам надо выиграть время. Все понял?

– Понятно, – кивнул в ответ Вадим. – Вот только боюсь, что летчик не поверит нашему объяснению.

– А ты постарайся, чтобы поверил, – жестко отрезал Эд.

– После одиннадцатого сентября... – попытался возразить Вадим, но был прерван угонщиком.

– Одиннадцатого сентября самолеты летели на Вашингтон, Нью-Йорк и Пентагон. Наш же маршрут выбран таким образом, что пролегает над территориями, где нет ни больших городов, ни стратегических объектов. Службы ПВО будут только следить за нами. Для принятия решения сбить гражданский лайнер нужны слишком веские основания.

В принципе с объяснениями Эда можно было согласиться. Валить самолет с пассажирами, тем более если он летит над малообжитыми местами, каких в Бразилии пруд пруди, особенно вдоль течения Амазонки, смысла нет. Их будут вести до тех пор, пока не появится реальная угроза крупному городу или серьезному стратегическому объекту. Можно было отметить, что угонщики неплохо рассчитали расклад.

Пилот истребителя уже несколько раз подавал рукой какие-то знаки. Вадим не вникал в его жестикуляцию. Выполняя указания Эда, Вадим поднял к форточке наушники и долго активно тряс ими. Похоже, летчик понял его. Прекратив махать рукой, он пару минут летел спокойно. Нетрудно было догадаться, что пилот переговаривается с землей. Наконец он опять ожил и двумя руками стал демонстрировать некую движущуюся фигуру. Вероятно, летчик указывал, что «Боинг» должен следовать за ним. По крайней мере Вадим его понял именно так.

Веклемишев энергично покивал ему в ответ и сложил ладони в рукопожатии. Мол, тебя понял и готов следовать хоть на край света. Пилот поднял вверх большой палец, явно приветствуя взаимопонимание и дружбу. «F-16» аккуратно отвалил в сторону от их крыла и тут же рванул вперед. Обогнав «Боинг» метров на триста, истребитель выровнял скорость и покачал крыльями. Надо полагать, это означало, чтобы лайнер шел за ним. Затем «F-16», чуть свалившись на левое крыло, двинулся по широкой дуге, удаляясь от идущего прежним курсом «Боинга».

Вадим проводил его взглядом и повернулся к Эду.

– Отлично сработал, амиго, – ухмыльнулся угонщик.

– Сейчас вернется, – лаконично ответил Веклемишев.

– А ты ему опять помаши, развесь бананы, – посоветовал Эд. – Пусть еще разок по кругу пройдет. А там у него и горячее закончится.

Надо думать, выражение «развесь бананы» в местном фольклоре соответствовало русскому аналогу «повесить лапшу на уши» или «закомпостировать мозги». Что Веклемишев и сделал. Совершив широкий вираж в небе над океаном, летчик разглядел, что «Боинг» не собирается следовать за ним, а летит, как и летел – по прямой. Истребитель опять притерся к крылу лайнера. Пилот, как и в первый раз, начал жестикулировать, показывая, что «Боингу» необходимо лететь следом за его истребителем.

Вадим в ответ отчаянно замахал руками. Он тыкал пальцем в приборную панель, крутил воображаемый штурвал и тут же переkreщивал руки. По разумению Веклемишева, данные жесты должны были означать, что не может он рулить рулем, и все тут. Так что, прими, родной, самый что ни на есть SOS. Похоже, что пилот истребителя его понял. Он перестал жестикулировать и на некоторое время затих, видимо, переговариваясь с командным пунктом.

– А вот и берег показался, – сообщил Эд. – Видишь ту полоску у горизонта?

Далеко-далеко впереди, почти невидимая в размытом мареве, скрадывающем линию, где океан сливался с небом, появилась совсем тонкая темная полоска. С каждой минутой полета она разрасталась, уходя вправо и влево, и скоро заняла весь горизонт. Сопровождающий их истребитель через некоторое время отвалился и на рысях ушел куда-то на юг, а на смену ему прилетели два близнеца «F-16», отличающиеся лишь бортовыми номерами. Они взяли «Боинг» с двух сторон в «коробочку» и так дальше и эскортировали лайнер до суши, а затем над ней.

Тот пилот, что пристроился слева, как и его коллега, пытался что-то объяснить Вадиму жестами, но он его не понял, вернее – не захотел понимать. Он сам изобразил руками в боковую форточку некую сложную фигуру третьего порядка, повторив ее несколько раз. На этот раз летчик не разобрался, о чем ему семафорит пилот «Боинга», и на том успокоился. Верно, доложил начальству и стал ждать указаний.

Веклемишев представил себе, что сейчас творится на командном пункте ПВО. И не только там. Можно не сомневаться, что информация о сошедшем с курса лайнере и свихнувшемся летчике, прорывающемся в глубь территории государства, дошла до президента. Высшие армейские чины и руководители органов безопасности сейчас если не стоят перед ним навтыяжку, то уж гоняют подчиненных в хвост и гриву точно. Армия поднята по тревоге, спецслужбы добывают сведения о рейсе и его пассажирах. Непременно об инциденте сообщили в Асунсьон, ведь самолет принадлежит парагвайской компании. И там поднялась суматоха. А главное, никто толком не может понять, что случилось с «Боингом». И что с ним делать.

Когда они пересекли береговую линию, Эд связался с «вышкой». Разговор вышел коротким. Эд сообщил о сопровождающих их истребителях, что для Дона, похоже, новостью не явилось. По крайней мере он на нее отреагировал, как на что-то само собой разумеющееся. Дон поинтересовался курсом, подтвердил, что они идут правильно, и сообщил, что в ближайшие сорок минут команд на его изменение не поступит. Надо полагать, что через сорок минут команды последуют. Дон закончил разговор, сказав, чтобы Эд с ним не связывался. Когда будет надо, он сам выйдет на связь.

Честно говоря, Вадиму уже наскучил этот полет. Лишь дважды за почти два часа полета, маневрируя, он брал управление на себя. Это заняло в общей сложности не более пяти минут. Все остальное время он бездумно пялился в приборы, периодически поглядывая вниз. Океан остался позади. Бесконечная гладь воды сменилась сплошной зеленкой, разрезанной на кусочки густой сетью рек. Вероятно, они летели над дельтой Амазонки. Это можно было предположить как по времени полета, так и по ландшафту местности.

Звено истребителей, сопровождавших их от побережья, сменила следующая двойка. Они уже не пытались войти в контакт с пилотом «Боинга», а просто пристроились пристяжными справа и слева от лайнера. Построение самолетов походило на воздушный кортеж президента, прибывшего с официальным визитом.

Веклемишев отлучался с пилотского кресла однажды. На просьбу посетить туалет откликнулись положительно, однако отвели в отхожее место под конвоем. Эд кликнул Луизу, и она проводила Вадима через салон первого класса, держа пистолет наготове. Брюнетка так и сидела, прикованная наручниками к подлокотнику кресла. Она подняла глаза и молча проследила взглядом за

шедшим под конвоем Веклемишевым.

Проходя мимо лежащего в кресле стюарда, Вадим внимательно пригляделся к нему. Сомнений не было, парень отдал богу душу, а может, и черту – в этом уже не разобраться. Счет три – один в пользу угонщиков. Два телохранителя брюнетки плюс один пассажир против стюарда. А может, их уже прибавилось? Сейчас в экономклассе «европеец» хозяйствует, а он, по наблюдениям Веклемишева, парнишка резкий, может и переусердствовать в наведении порядка...

Занавеска в салон была задернута неплотно, и Вадим смог разглядеть, что там происходит. Особых изменений после его ухода не произошло. Латинос стоял спиной к нему, держа в руках мину-ноутбук. Альбинос Рей занимал позицию в конце салона, наблюдая за пассажирами. Народ вел себя спокойно. По крайней мере криков и плача Вадим не услышал. И это радовало, как говаривал последний генсек.

Глава 9. Садись туда, не знаю куда

Дон вышел на связь после того, как они почти час летели над сушей. Вадим уже интересовался у Эда, не забыла ли о них «вышка». На свой вопрос он получил емкий ответ, что ему следует заткнуться и следить за приборами. Похоже, пожилой угонщик сам нервничал, ожидая связи.

Разговор был короткий. Дон сообщил, что видит «Боинг» на экране радара и до следующего сеанса связи они по-прежнему будут лететь в режиме радиомолчания. Эд оживился, вылез из кресла второго пилота и отправился в салон, вероятно, чтобы поделиться хорошими новостями с подельниками.

Вадим остался в одиночестве. Хотя какое одиночество – он чувствовал прикованный к нему взгляд Луизы. И помнил слова Рея о том, что пассажиры не знают, кто она такая и что будет, если она рассердится... Поэтому Веклемишев сидел спокойно и, несмотря на то что у него был порыв выдать сигнал тревоги пилоту истребителя, сопровождавшему лайнер, делать этого не стал. Во-первых, было сомнение, что летчик поймет его точно. Во-вторых, не было желания дразнить даму, присматривающую за ним, и узнавать, что будет, если она

выйдет из себя. А в-третьих, летчик и так понимал, что на борту происходит что-то нештатное.

«Вышка» вышла на связь примерно через полчаса. Дон был деловит и сух. С Эдом он перекинулся парой фраз, сообщив, что все идет согласно плану. Вадиму же Дон приказал изменить направление полета и снизиться.

– Росси, отключай автопилот, разворачивай машину на курс сто восемьдесят шесть градусов. На какой высоте идете?

– Тридцать шесть тысяч футов, – доложил Вадим.

– Сразу после разворота снижайся до двадцати двух тысяч, – скомандовал Дон. – Работать спокойно и аккуратно.

– Вас понял, приступаю к маневру, – доложил Веклемишев.

Волнение было, но уже не такое, как в первый раз, когда он отключил автопилот. Вадим взялся левой рукой за штурвал, а правой щелкнул красным тумблером. Все равно екнуло. Табло «Автопилот включен» погасло. Самолет летел, как и летел. Почти привычно, но аккуратно, он потянул штурвал влево. «Боинг» не спеша, как бы лениво, стал крениться на левую плоскость.

Пилот «F-16» мгновенно среагировал на маневр лайнера. В ту же секунду, когда «Боинг» качнулся для разворота, истребитель свалился на левое крыло и ушел куда-то вниз, выйдя из поля зрения Вадима. Он выдерживал крен лайнера до тех пор, пока картушка компаса не заплясала около цифры сто восемьдесят пять. Выровняв машину и уточнив, что недотянул до нужной риски два градуса, он еще разок наклонил лайнер, выводя на нужный курс.

Установив авиагоризонт, Вадим перешел к смене эшелона. Он плавно двинул штурвал от себя. Нос самолета пошел вниз и горизонт стал медленно подниматься перед его глазами. Стрелки альтиметра пришли в движение. Вадим не знал, какой должна быть скорость снижения и на всякий случай потихоньку повел штурвалом на себя. Стрелки немного замедлили ход. Стало закладывать уши. Пришлось несколько раз зажимать нос и продувать пазухи, восстанавливая давление.

Дождавшись, когда высотомер приблизился к отметке двадцать три тысячи, Вадим потянул штурвал к себе, еще более замедляя скорость вращения стрелок альтиметра. На нужной высоте штурвал принял нейтральное положение. Веклемишев проверил положение авиагоризонта, направление и высоту полета. Все стрелки застыли на цифрах, соответствовавших указаниям Дона. Сейчас они летели почти на юг на высоте примерно семи километров над землей. Вадим перевел тумблер автопилота в положение «включено» и проследил, как загорелось табло.

– Дон, я Росси, – проговорил Веклемишев в гарнитуру. – Маневр выполнил, направление сто восемьдесят шесть, высота двадцать две тысячи, автопилот включен.

– Понял тебя, Росси, – донесся до него голос Дона. – Все выполнил верно. Следующее перестроение через тридцать минут. Я с вами свяжусь.

Веклемишев откинулся на спинку кресла. Неожиданно он ощутил сильную усталость. Чувство было такое, словно бегом занес на пятый этаж мешок с цементом. Плечевые и локтевые суставы едва не ломило от непомерной тяжести. Вадим понимал, что это ему только кажется, однако ощущения были не из приятных. Сказывалось нервное напряжение.

Веклемишев посмотрел на Эда, сидевшего в кресле второго пилота. На этот раз угонщик чувствовал себя лучше. Видимо, он уже уверовал в летную профпригодность Вадима.

– Отлично, амиго! – похвалил его Эд. – В тебе чувствуется прирожденный летчик. Не знаю, как у тебя с языками и хороший ли ты коммерсант, но пилот вышел бы превосходный.

Вадим промолчал, сдерживаясь, чтобы не высказаться, кто мог бы получиться из Эда и кем он стал. Да и благодушие пожилого угонщика улетучилось, когда справа и слева к «Боингу» вновь пристроились истребители.

– Не вступай с ними в переговоры, – скомандовал Эд. – Нам осталось лететь не больше сорока минут. Сбивать они нас не станут. Даже если на земле предполагают, что самолет захватили террористы, крайних мер принимать не будут. По нашему маршруту нет ничего серьезного – сплошная сельва да мелкие

городки.

У Вадима прямо-таки чесался язык спросить, а к кому себя причисляют угонщики, к террористам или какой иной категории. Однако он предпочел промолчать. Не хотелось давать лишний повод для расправы с ним. У Веклемишева и так были опасения, что он слишком много узнал об угонщиках, чтобы остаться в живых. От него не скрывали имена, хотя, может, это были лишь псевдонимы, только он один знал, что разговоры с сообщниками на земле ведутся по мобильному телефону. И подобные звонки очень легко вычислить, зная примерное время связи. А все это – ниточки, потянув за которые можно размотать клубочек захвата «Боинга». Ну а на гуманизм преступников и благодарность за спасение жизней Вадим рассчитывал меньше всего. Три хладных трупа из четырех на борту свидетельствовали, что комплексов в этом плане у угонщиков не имеется. Как-то не было заметно по их лицам и того, что они мучаются от угрызения совести.

Исходя из данного расклада, Веклемишев предположил, что ему после посадки, если таковая будет удачной – три раза тьфу через левое плечо, надо будет очень сильно задуматься о собственном спасении. Не души, но тела. Он даже на глаз примерился к форточке, той, что слева от него. Это на случай, если придется срочно смываться с борта. Маловатой показалась форточка, хотя, если поднатужиться, можно и протиснуться...

Ухваченное краем глаза какое-то движение слева отвлекло его от дурных мыслей. Если точнее, направило в иное русло. Опять яростно семафорил пилот истребителя, изображая руками какие-то фигуры. Последнее маневрирование, видимо, подсказало и ему и, соответственно, наземным службам, что «Боинг» исправен и им можно управлять. Вот и выделял летчик «F-16»-го пилотажный патруль, немо призывая следовать за ним.

Выполняя полученные от Эда указания, Вадим лишь посмотрел в сторону истребителя, грустно покачал головой и отвернулся. Его мысли перекинулись на скорую посадку. Эд сказал, что им осталось лететь менее сорока минут. И если кругом сельва и мелкие городки, откуда взяться взлетно-посадочной полосе, способной принять «Боинг». Не надо быть слишком догадливым, чтобы понять, что любой мало-мальски серьезный аэропорт по маршруту следования их самолета взят под усиленную охрану и готов встретить угнанный лайнер во всеоружии. На что рассчитывают Эд с компанией, оставалось только гадать. Еще более запутывала обстановку «вышка». Дон сообщил, что видит их на экране

радар. Выходит, он располагает навигационным оборудованием, которое должно вывести «Боинг» на взлетно-посадочную полосу. Но где может находиться эта самая полоса, подконтрольная угонщикам?

Разумного ответа в голову Веклемишева не приходило. Какой-то замкнутый круг получался. Полоса должна быть, потому что должна быть. Припомнилась шутка Самсона, который издевался над Терехиным, панически боявшимся полетов, что в науке называется агорафобией. Он очень даже серьезно утверждал, что не было ни одного случая, чтобы самолет не возвратился на землю. Так что и их «Боинг» обязательно должен вернуться. А куда, знают только бог и угонщики.

От невеселых размышлений Вадима отвлек пилот истребителя. Причем окончательно испортил настроение. А каким оно еще может быть, если перед носом лайнера проходит трассирующая очередь из крупнокалиберного пулемета. Красиво так порхнула, словно стайка стрижей – прыснула и потухла где-то впереди. Надо полагать, наконец-то разобрались сеньоры военные и иже с ними, что им пудрят мозги. И эта стрельба должна означать, что они требуют подчинения.

Вот только для того, чтобы применить крайние меры к гражданскому воздушному судну, необходимы очень веские причины. По заявлению Эда, таковых пока не было. То есть можно принять данную стрельбу не более как за бряцание оружием, а не реальную угрозу. Все так, да только сердечко все равно не на месте. А ну как они сдуру прямой наводкой из пушки шарахнут или ракету «воздух-воздух» с инфракрасной головкой наведения пустят?

– Блефуют, – презрительно произнес Эд и хохотнул: – Ты посмотри, амиго, что выделывают, циркачи.

Действительно, было чем полюбоваться. После предупредительной очереди левый истребитель упал резко вниз и исчез из поля зрения. Однако через несколько секунд он возник прямо перед «Боингом». Распластанный, как на картинке, «вид сверху», «F-16» свечой взмыл вверх, на мгновение закрыв лобовой обзор из кабины лайнера. Когда же он открылся, то впереди, метрах в четырехстах, уже маячил второй истребитель. Он требовательно качал крыльями, призывая следовать за ним.

Это они уже проходили. Веклемишев повернулся и вопросительно глянул на Эда. Похоже, и у него настроение подпортилось.

- Что смотришь, - зло кинул ему угонщик. - Летим прежним курсом.

- Как скажешь, гражданин начальник, - по-русски ответил ему Вадим. - Наше дело шоферское.

- Что ты там болтаешь? - еще больше взъярился Эд.

- Докладываю: понял, что летим прежним курсом, - уже по-испански доложил Веклемишев.

Еще минут десять лайнер шел прежним курсом на автопилоте. И все это время летчики истребителей пытались убедить их подчиниться. Пару раз пускали трассеры, порхали перед носом «Боинга» и даже устроили психическую атаку. Один «F-16», вырвавшись далеко вперед, сделал мертвую петлю с переворотом и вышел лоб в лоб лайнеру. Веклемишев прекрасно понимал, что пилот не собирается их таранить, однако вид несущегося навстречу истребителя заставил задержать дыхание. Уже в последний момент, когда, казалось, столкновение неизбежно, «F-16» резко взмыл вверх, теперь уже изобразив «Игл» «вид снизу». Искрой мелькнуло перед глазами раскаленное сопло истребителя, и тотчас «Боинг», попавший в след реактивной струи, ощутимо трянуло. Правда, автопилот мгновенно выровнял лайнер, и тряска исчезла.

- Койот облезлый, - с опозданием возопил в соседнем кресле Эд. - Чтоб у тебя глаза повылазили, паршивый мул.

У Веклемишева также появилось сильное желание высказаться на данную тему, однако он сдержался. Все равно здесь не было никого, кто бы мог оценить сочность русского языка. Краткое, но вполне емкое междометие, которое процедил сквозь зубы Вадим, достаточно охарактеризовало пилота-лихача.

Обсуждение поведения бразильских асов с землей также пришлось оставить на потом, если этому «потом» суждено было случиться. Мобильный телефон ожил. Дон вышел на связь. На разговоры с Эдом он времени не тратил, а сразу начал давать указания Веклемишеву. Похоже, приближалась посадка.

– Росси, отключай автопилот и бери управление на себя. Снижайся до высоты десять тысяч футов. Выдерживай прежний курс сто восемьдесят шесть градусов. Внимательно смотри за авиагоризонтом. Начинай, с богом! Я буду следить за вашими маневрами, и если что пойдет не так, подскажу.

Глубоко вздохнув, словно перед прыжком в холодную воду, Вадим мысленно проиграл свои действия при снижении и взялся за штурвал. Отключив автопилот, он аккуратно подал от себя колонку штурвала и стал следить за медленно вращающейся стрелкой альтиметра.

– Росси, можно увеличить скорость снижения, – через минуту послышался глуховатый голос Дона в гарнитуре.

– Понял вас, выполняю, – лаконично доложил Вадим и еще двинул вперед штурвал.

Стрелка высотомера закружилась чуть быстрее. Раз за разом закладывало уши, которые приходилось постоянно продувать. Вадим приспособился это делать, уже не зажимая нос, а словно зевая. Восемнадцать тысяч... пятнадцать... одиннадцать тысяч... Руки будто сами собою потянули штурвал на себя, уменьшая скорость снижения «Боинга». Еще на себя... стрелка ползет совсем медленно... десять тысяч! Штурвал в нейтраль, взгляд на птичку авиагоризонта и картушку гирокомпаса. Пока все в порядке.

– Снижение до десяти тысяч выполнил, – доложил Веклемишев.

– Все отлично, – откликнулся Дон. – Вас вижу прекрасно. Росси, подкорректируй курс. Выбери полградуса влево.

– Понял, выполняю, – доложил Вадим и слегка повел налево штурвалом.

Самолет послушно накренился и тут же выровнялся, подчиняясь воле пилота.

– Курс выбрал на полградуса, – доложил в гарнитуру Вадим. – Жду дальнейших указаний.

– Росси, я тебя по радару выведу на полосу. Будете садиться напрямую, с первого захода. Упасть нужно в самом ее начале – ВПП немного коротка для «Боинга». Как только коснешься полосы, немедленно вырубай двигатели и начинай тормозить. Ты меня понял?

Растерянность, на мгновение охватившая Веклемишева, тут же превратилась в злость. Посадочная полоса, оказывается, была несколько коротковата для их махины. Насколько она короткая? Неужели эти придурки собираются сажать их «Боинг» на какой-нибудь местечковый аэродром, который видел на своем поле только винтомоторный «Дуглас»? И это с его летным опытом? Они с ума сошли, что ли? Недаром Вадим ломал голову, куда их будут сажать. Предчувствие не обмануло. Получи, деревня, трактор! И на хрена же он ввязался в эту авантюру?

Уже не сдерживаясь, Вадим выдал по-русски сложносочиненное и очень длинное предложение, в котором красочно и точно охарактеризовал непосредственно самих угонщиков, а также их родственников до пятого колена включительно. Эд, повысив голос, попытался урезонить Веклемишева, однако получил совет заткнуться и, секунду поразмыслив, действительно заткнулся. Он понял, что его голос в данной ситуации не то что нерешающий, а даже и несоветательный.

– Не надо нервничать, амиго, – слышался спокойный голос Дона в наушнике. – У нас все должно получиться.

– Ты понимаешь, что я никогда не пилотировал «Боинг»! – едва сдерживаясь, чтобы не кричать, выпалил Вадим. – И я должен с ювелирной точностью посадить лайнер на полосу, которая не предназначена для приема больших самолетов.

– Понимаю, но и у тебя, и у всех нас нет другого выхода. Уйти за истребителями на другой аэродром, где без труда может приземлиться «Боинг», мы тебе не дадим. Получить пулю в голову или попытаться посадить самолет – выбор за тобой. Не горячись, хорошенько подумай.

Аргументы Дона отрезвляли своей конкретностью. Веклемишев около минуты сидел молча, постепенно успокаиваясь. Эд ни слова не произнес во время перепалки Вадима с Доном, однако не сводил с него глаз. И конечно, слова насчет пули в башку незадачливого пилота были предназначены именно ему. Как главному переговорщику.

– Насколько короткая полоса? – уже более деловито спросил Вадим.

– По стандартам не хватает метров пятисот, – сообщил Дон. – Это бывший военный аэродром. Правда, уже с десятков лет он заброшен. По грузоподъемности полоса пригодна для приема «Боинга-747». Кроме того, мы расчистили и удлиннили ее метров на триста пятьдесят. То есть не хватает самой малости. Если ты притрешься в самом начале, проблем не будет.

– Если притрусь... – буркнул Вадим. – Сначала еще надо разобраться, как сажать этот летающий гроб.

– Разберемся, амиго, не сомневайся, – повеселел голос Дона в наушниках. – Сейчас и начнем этим заниматься.

Следующие десять минут были посвящены краткому курсу производства посадки «Боинга». Все оказалось совсем простым, если бы не было таким сложным. Лайнер должен, как выражался Дон, «упасть» в самом начале полосы. И для этого Вадиму требовалось подвести самолет к аэродрому на определенном удалении и на определенной высоте. Этому способствовал Дон, наблюдавший за ними по радару и отдававший команды на изменение высоты и, если необходимо, курса. Разглядев посадочную полосу, Веклемишев уже самостоятельно должен был скорректировать высоту полета и направление на ВПП и посадить «Боинг». Ну там еще были всякие мелочи, такие, как выпуск шасси, работа с закрылками, удержание авиагоризонта, выравнивание лайнера... А после касания уже следовало совсем простое: выключение двигателей РУДами слева направо и торможение. В принципе никаких сложностей, особенно если этим никогда раньше не занимался, налево твою в дышло...

Глава 10. Земля в иллюминаторе, она же – в фюзеляже...

Самолет невероятно трясло, так, что только не стучали зубы. «Боинг» бежал по неровным бетонным плитам, и получалось у него это, по мнению Веклемишева, слишком быстро. Ко всем физическим неудобствам примешивалось чувство, которое можно было определить как моральный дискомфорт. Не ощущал Вадим в душе искрометной радости и праздника. Не хотел он кричать: «Я сделал

это!!!», хотя и посадил лайнер с ювелирной точностью в самом начале полосы, безукоризненно выдержав высоту и скорость, которую ему рекомендовала «вышка».

Следовало признать, посадка вышла жестковатой. И случилось это из-за того, что пилот слишком стремился к точности приземления и в самый последний момент бросил штурвал резко от себя, стараясь попасть на начало полосы. Оставалось загадкой, как выдержали стойки шасси. Но они ухитрились уцелеть и сейчас несли «Боинг» по тряской полосе, которую можно было в ее нынешнем состоянии приравнять к паршивому проселку в глухой российской глубинке.

А не было удовлетворения собой еще и потому, что Вадим понимал – самолет вряд ли впишется в длину бетонки и проскочит ее гораздо дальше. То ли проклятый Дон блефовал, утверждая, будто взлетно-посадочная полоса почти подходит по стандартам для приема «Боинга», то ли с глазомером у пилота было неважно... Веклемишев что есть мочи давил обеими ногами на педали тормозов, до этого вырубив двигатели по заученной схеме «слева направо». И все равно, несмотря на его потуги, конец полосы приближался быстрее, чем хотелось Вадиму.

Не подняли настроения и крики радости, которые сменили вопли пассажиров после жесткого удара о землю при приземлении. Веклемишев уже мог разглядеть, что там, где заканчиваются бетонные плиты ВПП, действительно виден расчищенный участок аэродрома, по которому мог бы двигаться «Боинг». Точнее – окончательно остановиться, завязнув колесами в земле. И то, если скорость позволит. Сразу за расчисткой виднелась невысокая монолитная серая бетонная стена метров полутора-двух, не больше, за которой с небольшим просветом был насыпан земляной вал. А за валом начинался лес, или, если придерживаться местной терминологии, – сельва.

По ощущениям Вадима, «Боинг» очень стремился к тому, чтобы как можно быстрее пробежать взлетную полосу, перескочить бетонный надолб и вал и укрыться в густых зарослях. Чтобы отстали от него эти люди, чертовы угонщики и бездарные пилоты, оставили наконец в покое. Вот только на деле выходило, что вовсе не самолет, не бездушная машина этого искренне желает, а сам Вадим. Хотя, с другой стороны, он еще более желал, чтобы эта махина остановилась на неровной бетонной дорожке, а не прыгала через препятствия и не пряталась в кустиках.

Ухватившись руками за уже ненужный штурвал, он давил и давил на тормозные педали, однако это особенно не сказывалось на скорости, с которой «Боинг» несся по взлетно-посадочной полосе. По крайней мере Веклемишев этого не ощущал. Хотя... Ему показалось, что лайнер стал бежать чуточку медленнее. Точно замедляет ход. Но впишется этот несчастный «Боинг» в полосу или выскочит за нее? Нет, слишком велика скорость! Самолет с каждой секундой терял стремительность бега, но все равно катился слишком быстро. До окончания полосы оставалось совсем немного.

Еще над океаном заняв пилотское кресло, Вадим пристегнулся ремнями. Это запомнилось ему с той давней учебы. Положено было пилоту быть пристегнутым. И вплоть до посадки так и сидел, притянутый ими к спинке. Однако быстрое приближение леса за бетонной стенкой и валом заставило Веклемишева на уровне подсознания принять решение освободиться от ремней. Вадим рванул одной рукой замок и сбросил с себя серые шелковые ленты. Его мозг в бешеном темпе просчитывал варианты:

«Успеем затормозить?... Нет, не успеем... „Боинг“ обязательно выскочит за полосу... Но скорость снижается... Возможно, на последних метрах тормозная гидравлика заклинит колеса, и они остановятся... Увы, чуда, похоже, не произойдет... А если лайнер вылетит на грунт, могут не выдержать стойки шасси... Чем это грозит?... Сильнейший удар о землю... Самолет потащит дальше... Нет, сначала удар... Возможно разрушение топливных баков... Если еще и замкнет проводку – тогда пожар... Не обговорили с Доном, как вырубить энергоснабжение самолета... Господи, да какое замыкание – там же в салоне латинос с ноутбуком... Флешка-взрыватель нажимного действия. Ее можно случайно активизировать... Тогда точно – взрыв, пожар, катастрофа... Что делать?... Не успеваем... Уже ничего нельзя сделать!..»

«Боинг» завершал свой бег по взлетно-посадочной полосе. Последние бетонные плиты вот-вот убегают от глаз под фюзеляж самолета. Скорость заметно снизилась, однако не настолько, чтобы «Боинг» остановился на полосе или даже на расчищенной Доном площадке. Веклемишев понял, что от него уже ничего не зависит. Время принимать решение! Кинув штурвал, он рывком вынес тело из кресла и бросился бежать по проходу в салон.

– Куда?! Стой!!! – заорал ему вслед из кресла второго пилота опомнившийся Эд.

Вадим, не обращая на крики угонщика внимания, проскочил отсек с недвижимыми телами радиста и бортинженера и ворвался в салон первого класса. Он успел разглядеть дуло пистолета, наведенное на него Луизой, и ее глаза, полные решимости и холода.

– Держаться! Сейчас врежемся! – крикнул Веклемишев и отчаянным нырком вперед бросился на пол.

В полете он успел разглядеть мгновенно побелевшее лицо прикованной к креслу брюнетки и ее пальцы, судорожно вцепившиеся в подлокотники. Уже распластавшись на полу, прикрывая голову руками, Вадим с облегчением констатировал, что Луиза, видимо, разобравшись в происходящем, не стала в него стрелять.

В следующую секунду Вадима потащило по ковровиновой дорожке ногами обратно к кабине. Он с содроганием представлял, что сейчас творится за бортом. «Боинг» вырвался с бетонных плит полосы и его несет по земле с резким торможением. Стойки шасси все же выдержали нагрузку, и лайнер не провалился в грунт. Однако радостней от этого не стало – основные неприятности впереди. Самолет замедлил ход, но инерция продолжала вести его вперед. Громкий резкий металлический скрежет прямо под лежащим в проходе Вадимом известил, что передняя стойка шасси встретилась с бетонной стенкой ограждения. В тот же момент лайнер рухнул кабиной вниз и почти сразу полез куда-то наверх, видимо, наехав на земляной вал, располагавшийся в нескольких десятках метров за стеной.

Страшный треск едва не оглушил Вадима. Он не увидел, но почувствовал, как совсем рядом, где-то сразу за ним, рвется металл корпуса самолета. «Боинг», забравшись пилотской кабиной на земляной вал, не выдержал нагрузки и лопнул по фюзеляжу. Веклемишев из положения лежа на четвереньках рванулся вперед прочь от открывшейся между салоном первого класса и кабиной зияющей пасти, в которую полезла рыхлая земля.

Он прыгнул очень резко и тут же, не удержав равновесия, опять упал. Его словно кто-то толкнул в спину. Самолет слишком резко остановился, закончив свой бег, и послал его на пол.

В следующее мгновение Веклемишев уже стоял на ногах. Он помнил о своих подозрениях, что угонщики не станут с ним церемониться после посадки лайнера. Вадим сегодня хорошо поработал, и было бы обидно, если бы его жизненный путь прервался, когда он преодолел такие испытания и опасности. Если к этому прибавить, что мина в руках латиноса до сих пор не взорвалась и не слышно запаха гари от начавшегося пожара, можно было констатировать, что день удался. Однако расслабляться не стоило.

В результате нырков, падений и прыжков Веклемишев оказался в непосредственной близости от кресла, в котором сидела Луиза. Она потирала свободной рукой колени и сильно морщилась. Похоже, ушиблась, бедненькая. Других повреждений у нее Вадим с ходу не определил. Почувствовав на себе его взгляд, пожилая угонщица среагировала на удивление быстро, пытаясь вскинуть «кольт». Нарост глушителя скользнул в сторону Вадима, однако они не встретились на одной директрисе. Обучены-с, сеньора, бою на ограниченном пространстве.

Метнувшись в стремительную закрутку, Веклемишев встретил запястье с пистолетом косым ударом руки и пригвоздил его к подлокотнику кресла. Луиза успела нажать на спусковой крючок. Раздался выстрел, пуля ушла в пол, оставив в ковровине едва заметное отверстие. Огрызнувшись один разочек, «кольт» замолчал, очутившись в руках Вадима. А его недавняя хозяйка безвольно осела в кресле, отправленная в гости к Морфею точечным ударом в основание шеи пальчиками, сложенными совершенно изящным образом. Подобную фигурку специалисты называют «клювом орла».

Из салона экономкласса доносились крики радости. Вот только триумфатор, герой экстремальной посадки, выходить в народ совсем не торопился. Надо было как можно скорее делать отсюда ноги, пока не опомнились остальные угонщики. Наличие пистолета у Вадима уравнивало козыри, так как у ЭдаКомпани, по его расчетам, имелся на руках также один «кольт», которым в настоящее время был вооружен альбинос Рей. Правда, данный расклад мог быть верным лишь для внутреннего пользования, то есть до тех пор, пока Веклемишев находится в самолете. А за его пределами экс-пилота поджидала полная неопределенность. И при этом не было ни малейших иллюзий насчет того, что встречающие будут осыпать его лепестками роз и возлагать на шею лавровый венок. Более реальной виделась перспектива оказаться под воронеными стволами автоматов, направленных на героя-летчика. Ну а далее – в полном соответствии с героико-революционным прошлым: ближайшие кусты,

«именем чего-то там» и пара коротких очередей. Хотя, возможно, все обойдется более обыденно – без «имени чего-то» и даже без кустиков...

Следовало спешить, пока не пришли в себя угонщики внутри «Боинга» и за его бортом. Луизу Вадим вырубил качественно. С Эдом, если тот полезет на рожон, а именно на «кольт», он справится. Вооруженный Рей, которого следовало опасаться более всего, по диспозиции находится в хвосте самолета. А значит, как минимум, полминуты форы у Вадима есть. Латиноса с его миной можно в расчет не принимать. Вряд ли парень будет изображать из себя шахида – не тот менталитет.

Расклад на аэродроме пока был ему неясен. Никакого скопления вооруженных людей вдоль взлетно-посадочной полосы он не наблюдал. Вообще-то присматриваться Вадиму некогда было – в основном на тормоза жал да еще просчитывал, когда бетонка закончится. Но, с точки зрения элементарной безопасности, вряд ли Дон расположил своих людей в начале и в конце ВПП. При посадке «Боинг» мог грохнуться и рвануть. То же могло произойти при завершении пробега.

Однако присутствие жизни на заброшенном аэродроме Вадим краем глаза все же уловил. Примерно посередине полосы, справа, метрах в двухстах от нее, в редком мелколесье стояли два грузовых автомобиля камуфлированной армейской раскраски с развернутыми антеннами и сектором эллиптической решетки. Это, похоже, и была та пресловутая «вышка», с которой заводили их самолет на посадку. Бегом от нее можно добраться до остановившегося «Боинга» максимум минут за пять. А ему выбраться наружу и заскочить в ближайшие заросли нужно не более минуты. А там – ищи ветра в сельве...

Веклемишев оценил ситуацию в считанные секунды. Маршрут бегства также определился. В форточку лезть смысла не было. Разлом фюзеляжа, снизу заваленный землей, имел по бокам достаточные щели, чтобы спокойно выйти наружу. Бросив взгляд через неплотно задернутую занавеску в салон экономкласса и не обнаружив в опасной близости Рея со шпалером, Вадим метнулся к левому разлому.

– Сеньор, помогите... Спасите меня! – негромкий жалобный голос, раздавшийся совсем рядом, остановил его бег.

Брюнетка, прикованная наручниками к креслу, с мольбой и отчаянием смотрела на Веклемишева. Ее ноги по щиколотку были засыпаны землей, зачерпнутой фюзеляжем. Похоже, эта женщина относилась к разряду везучих. Если бы их «Боинг» проехал еще пару-тройку метров, изображая из себя бульдозер, от шикарной дамы осталась бы перемолотая груда костей.

Освободить прекрасных незнакомок из лап негодяев не было ни желания, ни времени. Но тут, как назло, Вадиму на глаза попался стюард, точнее – его труп, лежащий на кресле через проход от пленницы. Да еще вспомнились слова Эда о том, что сопляк не сумел справиться с бабой. Так что, кого первого поведут в ближайшие кусты с «именем чего-то там», еще вопрос. Хотя, возможно, он ошибается...

Досадливо, но беззлобно матернувшись, Веклемишев оглянулся, не видно ли на горизонте Рея со стволом, и наклонился к женщине. В мгновение оценив ситуацию, он не стал тратить время на отмыкание наручников подручными средствами, чему, кстати, был неплохо обучен. Ухватившись обеими руками за подлокотник, Вадим поднатужился и, утробно гакнув, оторвал его от кресла. Подхватив брюнетку, он поставил ее на ноги и подтолкнул к левому разлому. Объяснять, что делать дальше, было не нужно. Женщина ящеркой скользнула в щель и исчезла за бортом. Правда, при всей остроте ситуации, она не забыла о лакированной сумочке, которую подхватила с соседнего кресла.

Так как о спасении жизни больше никто не молил и пора было подумать о собственной шкуре, Вадим проследовал за дамой. Протискиваясь в разлом, он глянул вверх, в пилотскую кабину. Стало ясно, почему в дело до сих пор не вмешался Эд. Кресло второго пилота, в котором он сидел, было сорвано с креплений и заклинено между штурвалом и боковой стенкой. Веклемишеву бросилось в глаза неестественное положение головы пожилого угонщика. Не должна была она согласно анатомии человеческого тела располагаться под таким странным углом к туловищу. В мозгу промелькнул косноязычный термин из области судебной медицины, поминающий о травмах, несовместимых с жизнью. Отсуетился, бедолага. А ведь можно было спастись, если бы Эд последовал примеру Вадима и убежал из кабины. Так нет, перед самой посадкой он пристегнулся к креслу и даже подергался, пробуя крепления...

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/stepanychev_viktor/puli-nad-sel-voj

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)